

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

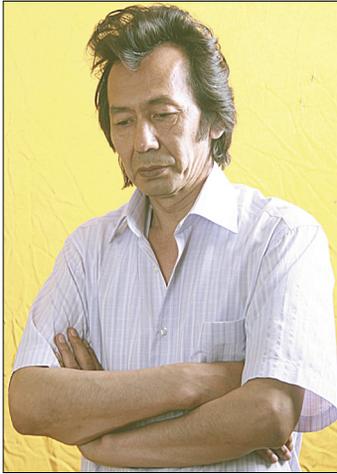

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин
Юрий Бондарев
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Юрий Коннов
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

В оформлении
использованы

фрагменты
картин художника
Заясанхана Самбу

Права
на использование
товарного знака

«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2017
Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.gazety.ru

Подписные
индексы издания:

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2017 №22 /1794/ Основана в 1927 г.

Рахимжан Отарбаев

Амазонки нашего аула

Повесть и рассказы

ПЛАЧ ЧИНГИС-ХАНА

Повесть

Наступило еще одно утро. Порадует ли оно кого?..

Поднялось и солнце, воспаленное истомою своего жаркого ложа. Разбросанные барашки облаков, кочуя по небосводу, заскользили на кроваво-красного цвета подбрюшьи. И ветер, блуждавший в горах, вдруг притих, вбирая собственное дыхание. Издалека позвал сыч. Экий нерадивец, перепутал день с ночью, быть может!

Стражники, в полудреме сидевшие у дверей, вздрогнув, повскакивали с мест. Высокие створчатые двери большой белой юрты в обе стороны широко распахнулись, и из неё неспешно вышел великий повелитель Степи. На нём вышитый шёлковый чапан, наброшенный внакидку. Солнечный луч искоса высветил его светлое лицо и ладно скроенный лоб. В медно-рыжей бороде до пояса плутал вновь занявшийся прохладный ветерок.

С небольшим отрядом нукеров захотелось поохотиться на зверьё. Поразвезаться, пустить ловчих птиц, потравить борзых. Был прикован к делам, ни на шаг не отдаляясь от своей Ак Орды¹. Изрядно притомился от послгов, ходоков и прочего низкопоклонного люда, шныряющего под его дверьми? Им и конца не видно. Немало и странников, исходивших, не чуя ног, земные пути-дороги. Тянут целый воз благих заблуждений и ищут ответа на извечное. И преподобных ободранных дервишей, и блаженных! Вон один тонкий, как былинка, ханзу, украдкой, на свой страх и риск, изобразил его портрет. На льющемся шёлке. Вылитый он. Вручил ему слиток с попытке стригунка. Бедняга, то ли от радости, то ли испуга, ахнул и повалился без чувств. Э, и чего только не бывает. Тумены его углубляются в четыре стороны света. От одних донесений его ноянов², созревших на поле сражений, ни дня передышки. Раз за разом курьерской почтой посылает им советы, подталкивает на уловки. Неполно одно без другого. Требуется тонкое равновесие. Равно как балансировать на острие кинжала.

И это белое облако, куда бы он ни прокладывал путь, точно победоносное знамя, реет над его головой, погоняемое вселенским ветром. Верно, то знак благотворный и приветствие Небесного Тэнгри.

¹ Ак Орда — Белая Орда, ставка хана.

² Н о я н ы — военачальники, полководцы.

Он невольно поднял голову к небу. Словно белё- сые космы верблюда. Оно такое же, как и прежде. Время над ним не властно. А что он? В волосах седи- на, душа охладевает ко многим вещам. Необуздан- ная молодая энергия уступает место рассудительной сдержанности. Да и нрав его будто подменили, сер- добольней стал, что ли? Было время, когда с порога мог повергнуть вражью голову в прах... разметать, как мяч, скатанный из коровьей шерсти, которым в детстве забавлялся Темучин... Ладно, оставь, уж дав- но нет грозных врагов, толчая лишь послы да про- сителей, оставь их! Злая сила — булатный меч. Ра- зойдется — порубит в куски. Поздно пришло мило- сердце, которое ни в чём не уступит, собирая вокруг себя животворящие силы. Потому и воздал он долж- ное Промыслу, прозрел и покаялся в земной юдоли...

Погрузившись в мысли, не заметил, что достиг гряды, примыкающей к священной горе Бурхан-Халдун. Позади послышалось гиканье отряда, сле- довавшего за ним мелкой рысью. Впереди, петляя зигзагами, пробежала лиса. В обновке после линьки на свежесвыпавшем ноябрьском снегу. Спинка отли- вает огненным всполохом. Однако сбросить кожаный наглазник с клекочущего беркута, чующего до- бычу, он не позволил. Вдогонку отпустил борзых. Собаки, сорвавшись наперегонки, одна резвей дру- гой, почти моментально подрезая лису наискось, пощипали ей только хвост. Посмотри-ка, хитрая тварь, резко прибившись к земле, отбросила пресле- дователей далеко вперед. Не хочет, за здорово жи- вёшь, отдать жизнь на ровном месте. Припустила в густые заросли шенгеля, находящихся справа. Те- перь и охотники с улюлюканьем бросаются напере- рез. С другого конца, развернувшись, мчатся борзые. Но зелья от невезения еще не придумали! Пресле- дователи с обеих концов увлечены настолько, что не слышат вразумительного голоса. Хотел сказать им, что в густом шенгеле у лисы наверняка есть нора. Те- перь зря стараетесь, уж и хвоста вам её не выдать. Так и вышло. Из зарослей первыми выдрались борзые, с отвисшими языками. Шенгель расцарапал и взлох- матил им шерсть...

То был назидательный урок Есукея.

— Было это в годы моей ретивой молодости. Как-то раз вышел на охоту, — рассказывал отец, оставшись с ним наедине. — Ехал малой рысью по- вдоль пологого склона горы Бурхан-Халдун. При- мерно в полдень вдали мелькнул силуэт какого-то зверя и тут же на глазах моих куда-то исчез. Я и кол- пачок с головы моей птицы снять не успел. Взял след между поросших очагами кустарником и шенгелем. Неожиданно вижу большую звериную нору. Серый не стал долго путать следы и, по-видимому, забрался в эту нору. Срезал я длинную ветку и пошурудил — показалась неглубокой. На дне что-то лежало мяг- кое. Ну, думаю, гривастый мой, тут тебе и крышка пришла, и начал раскапывать логово. Перевалило за полдень. Дна не достать. Оказалось, хоть снаружи

вход и был один, но далее нора расходилась по трём рукавам. Солнце клонилось к вечеру, спеша занять своё место. От долгого копания заныла спина, на ла- донях волдыри вскочили! Что дальше делать?! Не- много прилёт, да конь зафырчал от беспокойства. И птица моя в колпаке на камне порывается взле- теть. Поглядел, а там поодаль серый мой уже спасает шкуру. В сторонке — улепётывающая лиса. Там ещё и затравленный корсак наутёк скачет в гору. Я оше- ломлён. Все трое выскочили наружу из побочных трех рукавов одного логова!

— А вы за каким зверем погнались? — спросил он, стораая от любопытства.

— Сынок, время моё проходит. Лучше скажи, ко- го бы ты сам изловил? — спросил Есукей, испытую- ще посмотрев на Темучина.

— Попробовал бы, чтобы они поймали друг дружку!

Тогда Есукей остался доволен его ответом, уверо- вав, что этот сын действительно соединит обрывки его былых надежд.

Возможно, то была красивая уловка, сказанная, чтобы хоть чуть-чуть заглянуть в его будущее.

Ловить зверя... В годы великого похода нередко приходилось ловить зверя и бить птицу для поддер- жания запасов провизии. Надо было кормить огром- ную голодную армию. Впрочем, истреблять всё жи- вое на своём пути позволено не было. Таково было повеление хана Чингиса. Начиная с ранней весны и до осенних заморозков никому не дозволено было применять оружие. Пока звери не выкормят детёны- шей, птенцы не встанут на крыло. Дабы дать всему живому продолжить род, окрепнуть, сбросить ста- рую шерсть. Начиная же с ноябрьских морозов и до конца лютого, понуждающего аж волов реветь ре- вмя, как вздумаешь ловить — воля твоя. По рукам бить не станет.

В период Великого перехода... Отары овец, табу- ны лошадей, стада коров, которых гнали за войском, таяли на глазах. Снедь к столу властелин небес сам не подаст. В такие моменты великий каган брал с со- бой ноянов, войско заставлял колотить в охотничьи барабаны, дудеть в горны, бить в громоподобные бубны, расправляя огромные крылья над подножи- ем гор, равнин и густого леса. Ставил заграждение, сквозь которые зверь носа не мог просунуть, и мед- ленно, сводя крылья, образовывал кольцо. От не- стерпимого грохота целыми стадами сбегались оле- ни, косули и газели. На пути их, яростно грызясь, де- лили трапезу тигры с волками и леопардами. В кон- це концов целое войско охотников плотно сжимает свои клещи-объятя. Затем живность, оказавшуюся в ловушке, стайками выпускают на равнинную мест- ность. По древнему обычаю первую стрелу великий каган, уповая на Небесного Тэнгри, предназначает для тигра или для резво подпрыгивающего собствен- ным хвостом кулана. Следующая очередь достается ноянам и его сыновьям. Вслед за тем свобода дей-

ствий предоставляется всему, едва сдерживающему себя рядовому воинству. Стрелы из полных колчанов будут сыпаться отовсюду, словно ноябрьский снег. Так начинается кровавая бойня. Обычно грызущееся между собой зверьё в таком грандиозном истреблении ищет прикрытия друг у дружки.

Приметил, как трясущийся от страха заяц никак не хотел убежать из-под бока сметливой лисы. И вспомнил, как отец хлыстом проучал собаку, не дававшую покоя овцам, связав с ними одной верёвкой. После того она и близко не приближалась к овцам и козам. Даже, грозно огрызаясь, не подпускала к мелкой животине своих сородичей. Видно, дружба становится крепче в пережитой совместной беде.

Чингисхан подстегнул своего белого в серых яблоках скакуна. Сбившийся в кучу небольшой отряд тоже взмахнул плётками. Вожделенно встрепетулась на руке ловчая птица. Насторожились в предвкушении лова поджарые борзые. Преодолев курган, великий каган взглянул на небо. Вечный спутник его головы — перевёрнутая шапка белёсого облака не отставая кочевала сверху. Белёсое облако... Приметил его впервые, беря копьё в шесть локтей и садясь на боевого коня. Тогда он одолел тангутов. Столкнулся с кровным врагом. Ехал ли шагом, мчался ли карьером в аламани¹, оно плыло неотступно. Точно ручной зонт укрывало прозрачной тенью. Дарило приятную прохладу в жаркий день.

С той поры, будто песок сквозь пальцы, пролетело полвека. С той поры великий каган бросил под копыто своих коней многие уголки вселенной. Сколько спеси убавил чванливым правителям, сколько врагам помог ступить на мост Сират²!

Вновь слышно гиканье. Отряд поравнялся и скачет рядом. С беркута скинут наглазник. Вновь убегает лиса, взбираясь по склону. Того и жаждавший, беркут, издав боевой клекот, оттолкнулся от насеста, прикрепленного к седлу. Круто взмыл вверх. Когти будто острые ножи, истинный хищник. В прошлый, кажется, февраль за три дня настиг четырех волков и девять лисиц. Оторочил седло на славу. Меж тем кто подумает, что кагану мало пушнины иль шкур? Нет, конечно, даже и не заикайтесь об этом. Не то что меха и дорогие трофеи, а и золото, серебро и драгоценные всякие камни запретил заносить в свою Белую ставку. Вместо того велел со всех концов света собирать письма и книги, толкующие историю, хранящие старые заветы и поучения. Он и сам заносит на бумагу истинное монгольское родословие. Ибо после останутся не россыпи серебра и золота, но славное имя в подлунном мире. Останется живая летопись, в коей чеканным слогом воспрянут труды и невзгоды его, победы и деяния...

Только заметил, что летит на скакуне, сливаясь со всеобщим гиканьем. И почётный отряд его не отста-

ёт. Лиса зигзагами мельтешит на горном склоне. Беркут, сложив крылья, хоть и устремляется вниз, однако промахивается. Снова взмывает ввысь. Изворотливая лиса знает, как ускользнуть. Резко осадив коня, он подал знак рукой. Давал понять, чтобы согнали плутовку с откоса. Ну, вот, беркут, набрав высоту, снова падает камнем вниз. Да, удалось! Продираясь между скал и камней, отряд вернулся понурым. Один из всадников держал беркута перед собой. Крыло птицы свисает и чертит по брюху лошади. Сломалось крыло. Увы, мой кровавый охотник...

Великий каган ощутил внутри горечь. Неужели такую храбрость, способную сразить даже тигра, погубил на какой-то плутоватой лисе? Борзых его оставила не у дел. Птицу разбила о скалы. Придерживая коня, посмотрел на небо. Белёсое облако замерло в ожидании. Бросил взгляд на тёмную тучу, надвигающуюся с вершины горы Бурхан-Халдун. Косматая лавиной гривой, она клубилась и нарастала в многоликих формах. Не иначе к снегу! Он замешкался: не зная, то ли продолжить путь, то ли повернуть обратно в Кара-Корум. Присмиривший отряд ждал его команды. Заскулили и заёрзали борзые. Заклекотал беркут, рубя воздух здоровым крылом. Втянув бока в ожидании бега, захрапел ратный конь.

В тот момент и клубы тёмной тучи, низвергавшиеся против ветра, уже достигли изголовья. Что это, гремит гром среди снежного ноября? Или туча несёт дождь? Либо ударит градом с верблюжьими катышки? Но стоило ей приблизиться к облаку, плывущему клоками шерсти белёсого верблюда, как раздалось угрожающее громыхание. Громыхание и бурление нарастало. Белёсое облако и тёмная туча немедля вступили в единоборство. Чингисхан, пораженный грандиозным зрелищем, не мог оторвать от него глаз. Обомлев застыл и следовавший за ним отряд охотников. Неужто облака и тучи — эти истинные детища неба — перестали ладить между собой? Ревнуют друг к другу небесное пастбище? Тягаются за ноябрьскую стужу? Что за невидаль? Если уж им, реющим светлыми комьями, наполняющимся свинцовой негой, тесно жить в поднебесье, то чего ради людям должно быть просторно?! Оттого, видимо, и рвут друг на друге ворота да вышибают из седла. И не он ли когда-то стоял во главе такого раздора?..

Тёмная туча победила. Белёсое облако в бессилии распадалось. Проходила низом, отрезала путь. Порывалась на самый верх, нависала над ним. Великий каган явно ощутил, что над милостью Небесного Тэнгри, оберегавшей его с той поры, как снарядил боевого коня и взял в руки копьё в шесть локтей, сгустилась роковая беда. Он взял тугой лук и погрозил им. Выбрал в колчане стрелу, рассчитанную на тигра. Разрезая воздух, свистящей змейкой она понеслась прямо к тёмной туче, но пропала из виду. Изодранное в клочья белёсое облако запрокинулось и перевернулось. На нём были буквы: «Чингисхан — Повелитель Вселенной». Кто же это мог начертать? В от-

¹ Аламан — скачка на дальнее расстояние.

² Сират — узкий мост в потустороннем мире.

вет раздался оглушительный гром и всполох молнии. Осыпалось и переломилось серебро веток. Раздробилась и исчезла надпись. Разорванное в клочья белёсое облако уносило свои остатки. Скакун его затрясся крупной дрожью и пустил кровавую струю. Взбеленился и, закусив удила, понес хозяина в направлении Кара-Корума. Побег оказался недолог. Ударившая вновь ветка молнии зацепила великого кагана со стороны спины...

Отчего перед глазами плывут красно-зеленые кольца? В ушах далёким эхом слышится голос Есукей-багатура¹: «...Сын мой, конь удерживает седло, седло удерживает хозяина, сидящего верхом». Не удержало... Помешала чёрная туча, сатанинская молния...

Он опрокинулся с завертешегося волчком белого скакуна наземь. Всё тело с головы до ног горело нестерпимым огнём. Кто надумал жечь саксаул? Потушите огонь, потушите!

Мгновенная, как молния, немочь не давала поднять головы. Язык не слушался. Обрывки желаний. Не оборвалась в груди лишь нить жизни. Во глубине сознания оживают и гаснут видения. Видения прожитых лет. На рубеже жизни и смерти добавляется раскание, что ли?

Наползает беспросветная темь. Чьи же это тени толкнутся возле него? Топают ногами, словно копытами. Голос его застревает в горле. Какой зловещий у них вид. Глаза красные, чисто кровавое мясо. Что они здесь ищут? Куда смотрит стража? Куда исчезли белокостные вельможи, не отстававшие ни на шаг? Обычно мухе не давали на него сесть. Может остались без присмотра широко расставленные, высокие двери белой юрты кагана?

— Схватите немедленно! Представьте пред очи мои! — хотел крикнуть он. Ан не было кому услышать, кому откликнуться.

Пробудиться бы мне...

* * *

Где же тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Был один период, когда Есукей-багатур покинул этот мир, оставив мать с тремя детьми. Обвинив её в том, что не пристроилась по традиции новой женой ни к кому из сородичей мужа, соплеменники откочевали от них, оставив на произвол судьбы. Всё оставшееся после отца добро и скот разобрали между собой. Поселившаяся в их юрте нищета вынуждала мать днями напролет ловить в поле грызунов и собирать корни.

Ранним утром она расстилала перед малыши детьми не стриженную по осени черную овечью шкуру. Неизвестно где находила и рассыпала на эту шкуру пригоршню пшена. Мелкие зернышки исчезали в густой шерсти. Взяв к себе под бочок младших братьев Хазара и Кашигуна, он до самого заката со-

бирал эти зерна. Возвращалась мать с наступлением сумерек, держа в руках малую, но все-таки добычу.

Та овчина была в действительности золотым руном. То пшено — наилучшим лакомством. И поныне он их видит в предутренних снах.

Потомки мои, прежде богатства познайте цену лишений.

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов², разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

Вероятно, настали последние деньки лета с их утренней свежестью. Дождь льёт не переставая. Не дает проясниться степи с растущими тут и там пучками ковыля и полыни. Да ведь это гора Улытау, прогнущая пояс кутающегося в марево просторного хребта.

Правя путь на закатное солнце, случилось и здесь разбивать становище. Не то что дикие куланы, вплоть до многочисленных стад серн и газелей, блуждающих по холмам и долам, изнемогали от тучности. Малосознательным существам и дела не было до того, что он — великий каган. То заржут под правым ухом, то под левым заблеют и потом ускачут. Войско, не знавшее кого уж задрать, решило вскопать ловушки. Обусловились, расставив фланги, согнать всю живность в кучу, стуча в барабаны, и порезвиться, устроив кровавую потеху. Он же в самый раз прогуливался на славном темно-гнедом коне, оставив свою белую юрту на громадной повозке, запряжённой дюжиной монотонно бредущих волов. Узнав о предстоящей забаве, тут же поднял правую руку и тем самым пресёк зарвавшихся охотников. Все поняли жест без слов, и сорвиголовы поумерили пыл.

Взяв старшего сына Джучи, он тогда направился сюда, на гору Улытау. Его гнедой конь, лоснясь боками, вприпляску вынес его на вершину. Земля, вмещавшаяся в зрачок глаз, ещё дремала в колыбели августовского утра. Окаймленную голубым горизонтом, он прочувствовал её всей душой. Перед ним открылся благодатный, заветный край, который невозможно ни уступить грозному врагу, ни потопить в мимолетных тяжбах. Живописные, широко раскинувшиеся холмы мог украсить стольный ханский дворец, вокруг которого на вершинах, облюбованных шумными уларами³, должно установить недремлющее око дозора. Не сподручно ли бить в бубны и разжигать костры, подступись какой враг? Приметят огни, поднимется люд всех краин, в горах и на равнинах загрохочут барабаны, загремят призывные кличи. Обновится и воспрянет само по себе целое войско, печалившееся, что притупятся лезвия сабель да покроет ржа наконечники острых копий. Прито-

¹ Багатур — богатырь, воин.

² Тарпан — дикий степной конь.

³ Улар — горная индейка.

рочит оно к правому боку суму для добычи. Подравняет, точно на смотре, ряды и шеренги. И будет ждать лишь битвы. Умерять нетерпение.

Оголённое око солнца катилось беспечно на запад.

— Джучи, сын мой! — обратился он в тот день, приподнявшись на стременах с инкрустированного серебром седла. — Рано иль поздно этот обетованный край вернётся к тебе по наследству. Установи свою столицу на подобающем месте.

— На каком же месте, укажите, отец?

Смирненно и твердо спросил Джучи, поглядев с почтением на отца, погрузившегося в раздумье, теребя на ветру свою медно-рыжую бороду.

Тогда он, с неспешной торжественностью, взял в руки изящный лук, смастерённый из парных рогов оленя, украшенный по внешним дугам драгоценными камнями и обрамлённый изнутри серебряной чернью. Натянул тетиву в размах руки и отпустил красную стрелу, вырезанную из молодой ольхи, в западную сторону. Золотой наконечник, сверкнув в лучах солнца, летел со свистом, разрезая воздух. Охвостье, сделанное из пера кобчика, длиною почти в пядь, затрепыхалось, словно ожило, пока не исчезло из виду.

— Вон та местность! Правь своим улусом! И помысли свои сверяй с Кара-Корумом!

Джучи... Жив, мой ясный соколик! Чего же плели эти безбожники? О чем так надрывно рыдал кобыз¹ старца Кетбуги? «Погиб твой сын — Джучи-хан, затупился твой ятаган, опрокинут твой полный казан!..» Враки всё! Того и ждут окаянные, чтобы им залили глотки растопленным на саксаульных головнях свинцом!

Э, ведь просто вышел поохотиться. Вместо боевой дружины с ним всего десяток налегке снаряженных джигитов. Конечно, в это время мясо сайги наливается всеми соками. Особая по своей природе, степная антилопа выбирает целебную траву. А какое дикое удовольствие доставляет головокружительная гонка и улюлюканье вослед грохочущей копытной дробы, стремительно проносющейся мимо тьмы!

Погоди-ка, а чья та сотня в восточной стороне, что пробирается по оврагу, прикрываясь слоистыми скалами? Кони настолько нагулены на сочной траве, что с их гладких боков может вошь соскользнуть. От снаряжения и доспехов глаз не оторвать, сверкают на солнце, проглядывающем сквозь облака. Наверное, отряд Джучи направился, в угоду сановникам, усмирять взбунтовавшиеся станы. Не умеет здешний народ мирно жить, если время от времени, вроде морской глади, не побунтует и не побьется промеж собой! В степи каждая десятая баба рождает улана-гренадёра с выпученными глазами и торчащими усами. Между тем где та сила, которая вырвалась бы из оков семейного клана иль, в лучшем случае, интересов одного рода-племени? Добудет такой удалец сла-

вы в известных пределах, получит вид на жительство, и пыл его на том иссякнет. Резвый его аргамак, вышибавший копытами искры, охромает в стойле. Затупится косматая пика, прислоненная где-нибудь к юрте. Довольствуясь мимолетной славой и шатким почетом, будет кормиться лестью своего окружения. И тем самым свыкнется, превратится в обычного забулдыгу со стоптанными каблуками.

С самых первых шагов подметил он эту присущую тюркам леность души. Он выкорчёвывал её нещадно, колотил до тех пор, пока не переставали чесаться кулаки. Выпестовал воинство. В жестоких сражениях и походах научил побеждать противника малым числом и низвергаться на голову врага, как гром среди ясного неба. В недельном пути его воин мог обходиться солёным куртом². Под раскалённым солнцем, в лютой февральский мороз не услышать было жалоб, не узреть тени недовольства.

Недостаточно закалить волю, надо возродить дух! Не благодаря ли тому, топтал он сапогом ожиревших, словно перепела, правителей и князей золотых городов? Когда же касалось поживы после битвы, то каждый обладатель копья мог набить хурджун серебром и золотом, не так ли? Он и бровью не вел. И по рукам не бил. Драгоценности и прочая мишура, считал он — женская и детская утеха! Пусть, мол, тешатся, ежели к тому бытует пристрастие. Всё равно блестящие эти побрякушки погребутся под грудой кирпича и пепла разрушенных стен. Будь он падох до безделушек, разве покорил половину вселенной? Высоки были цели, далеки были мысли...

Прикрывающаяся слоистыми скалами сотня не похожа на отряд Джучи. Но кто в таком случае удаляется, поднимая вослед мелкую пыль? Постой-ка, тот, что во главе отряда, на крупном караковом коне с белой отметиной на лбу, кажется ему знакомым. Как бы не оказался атаманом Асхаком из кулан-кипчакского рода?! Точно, в самом деле он. Но с чего бы тянуть ему за собой, словно бы помёт жеребца, вооруженную ватагу? Э, так он вроде свояк скрывающемуся от его притеснений с малым, подобно созвездию Плеяд, войском в ущельях Карпат, хану Котену? Сведуши, как он бежал без оглядки, подвязав коням хвосты, пока не приткнулся к ногам мадыарского хана Беле. Заискивая, получил в дар клочок земли. Взамен на жизнь предал, говорят, веру предков.

До него ли ему было, накануне великих походов, преследовать кучку вспугнутых перебежчиков? Погоди, думал он, попадешься когда-нибудь в руки, если земля до того не поглотит, и будешь ходить под синим небом да по зелёной травке! Он не иначе — хана Котена наместник, расхोлившийся под его покровительством. Не намерен ли он свести счёты за позор Котена? Сначала пусть на силёнки свои посмотрит! Как бы дворовые псы не обделались, завидя сизого волка. Верно, тихий, полынный народец,

¹ К о б ы з — древний музыкальный инструмент.

² К у р т — подсоленные и высушенные дольки творога.

подрастает и становится ковыльным! По железному тумаку Джучи, видимо, скучают. Иначе...

Джучи, наверное, слишком увлекся охотой. И сайга иной раз застилает свет. Когда с гулом проносится по обширному типчаковому взгорью, алая волна горизонта то вздыбится, то закатится... Того и гляди, выплеснется через край. Не заметишь, как и сам под гром барабанов и зов рожков больно жиганешь коня. Но, сколько ни старайся, обойдут ноздря в ноздю, имей только ловушку наизготове, подобно пасти дракона. Вот тут-то и начнётся кровавая бойня.

Верный конь Джучи без седока, делая большой круг, скачет прочь. То и дело запускает в колчан руку. Э-э, пущенная им стрела не пропадала зря. Что ей, господи, порхающая сайга, когда она пробивает насквозь мелкую кольчугу, будто обычную бязь.

Жалко пыль, поднятая сайгой, застилает глаза. Как бы исподтишка не напал Асхак, кулайный выродок? Джучи, куда пропал его Джучи? Почему упускает из виду снаряжённого до зубов врага? Отчего не прольёт свой гнев? Раздался вопль. Всё-таки он заставил супостата хлебнуть крови. Рази их! Не жалея, рази! Э, вон и дружина Джучи, оставленная им. Припустила коней. Давайте, устройте им разгон! Забыли, кто истинный хозяин бескрайней степи, сплошь недоумки? Пока есть Джучи, пока стоит гора Улытау, не позволит он всякому разбойничьему сброду самоуправствовать. Чей это конь, неожиданно выскочивший из-за пыльной завесы? Как пронзительно ржет, потерявши хозяина. Да это же знаменитый конь Джучи, белогривый Акжал! Где же он сам? Где его опора, его отважный лев? Неужто остался лежать в густой пыли? Как благородного принца мог низринуть с коня выскочка из кипчакского рода? Слух тому не хочет внимать и глаз тому не поверит!

Два отряда, противостоя друг другу, орудуют копиями. Кто погибнет, кто уцелеет. Так куда же подевался его Джучи? Что стряслось с его сыном, с его рано взошедшим на небосвод ясным месяцем?

Откуда этот стон, заполонивший весь мир? Или какой-то бродячий дервиш мучает струны кобыза? Как смеют кому не заблагорассудится ступить через порог? Кажется, это старец Кетбуга из наймановского племени. Соль, вытекающая из глаз, капает на развоенную, седую бороду, вздрагивают плечи. Сухой кусок дерева всхлипывает в его руках, перерастая в рыдание. Будто и безмолвному дереву был дан язык. Не простой тот язык, обжигающий сердце угольями. Жар его бежит по телу, обрушивая косточки.

*Асхак кулан, Джучи хан —
Сердце стучит в барабан!
Свет твой померк — Богом дан.
Лев твой погиб, мой каган...*

Джучи погиб... Сын погиб... Что он бредит?.. Старый истукан, прекратит или нет? Несёт околицу! Мой Джучи, хоть и подсуден Небесному Тэнгри, но

не разбойникам или бродячим собакам судить его! Не желаю я дальше слушать. Сгиньте от меня прочь! Где там свинец, разжиженный на саксаульных головнях? Залейте глотку неугомонному старику! Будут знать, как кликать беду, что сорока в овраге! Ты погляди-ка!..

Пробудиться бы мне...

* * *

Где же тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Я родился на свет в простой войлочной юрте, но постиг величие мира. Кривой саблей предков я перекроил границы земных пределов. Я — властелин всего сущего. Мир усопших — удел Вечного Тэнгри. Ничтожного я сделал достойным, достойного — именованым. Нукуров подле меня называют знатью. Была голова у порога, а теперь в голове стола.

Золотой престол о четырёх ножках испокон века опутывают злые духи коварства, угодничества, зависти и злодеяний.

Много я видел на веку измен. И от дальних, и от ближних. Похвально, коли собака твой друг, однако печально, коли друг твой — собака!

Стоит льву ослабеть, как тут же соберётся свора падальщиков и гиен. Зато, когда ты во цвете сил и грозен для них, они лижутя и прячут зубы.

И сорока каркающим чёрным воронам достаточно камня. Так имейте при себе этот камень!

Потомки мои, я дал бедному кров, труса научил держать кинжал, скрягу сделал доброхотом, слабому подарил надежду. Однако, как ни старался, не смог глупца научить уму-разуму. И потому более всего остерегайтесь глупца!

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу окраин света...

Многочисленное войско совершало дневной переход. Видел ли ты, как мужи, на чью долю выпал Великий поход, тумен за туменом текут на Запад? Поодаль брели гурты крупного рогатого скота и мелких парнокопытных. Целых два четырёхсезонных годовых круга заняла всесторонняя подготовка. Непростое дело залезть за пазуху разномастным племенам и народам, осевшим в западном мире, тем более это не тангуты и меркиты, доставшиеся от междоусобного наследия отца Есукяя. Лазутчики доносили, что они возвели города, облюбовали леса и равнины, лишь не могут никак ужиться. Держатся разных религий, поклоняются каждый своим святым. И жизнь их непохожа, и представления противоречивы. Одни лихо скачут на конях, другие, приросши к земле, погоняют взашей упрямого ишака. Следующие, по вероятности желтобородые, пасут свиней и пчёл. И вряд ли они все ведают, что волей Небесного Тэнгри на них идёт сам каган Чингисхан! Ведают аль не

ведают: он разрушит их города, окутает пламенем их густые леса. Падут ниц перед ним — не поспеют на милосердие. Ну, а заест гордыня и встанут супротив, то... Кто примет хорошо, окажет тому почесть, как брату, кто станет враждовать — сделает безухим рабом, чтоб скулил у порога. Другого выбора нет.

Размеренно раскачивается белая юрта на громадной повозке, запряженной волами. Невдалеке трусит небольшой отряд для прикрытия. Повозка, которую тянут волы, стуча дружно копытами, порой даст фору и верховой езде. В ногах его сидит, по обыкновению, истинно ненаглядная Райхано. Лицо персидской красавицы пылает гранатом, она не сводит с него больших сливовых, полных робости и любопытства глаз. Непонятно, смыкает ли она их вообще? Может, чему-то тревожится? Так и сидит неизменно: пробудись он нечаянно в полночь или ранним утром, когда гаснут звезды и он отрывает голову от подушки. Одарит лучезарным взглядом и молча, слабо улыбнётся. Проявятся молочные ямочки на обеих щёчках, точно следы от пальцев, тонким перезвоном дрогнут колокольчики серег. Дикая страсть... Довольно, оставь это!

Чей этот истошный крик? Э, так это Сарынджап, посаженный по правое колено от него. Что он меллет? Вблизи Отрара разграблен его караван из шестисот вьючных верблюдов? Говорит, что убит караванбаши? Отрубили ему голову? Остальные, с воплями, едва унесли ноги?.. Кто мог посметь, если дорога ему жизнь, покуситься на караван? Какой сумасброд мог, будто ягнят, перерезать подручных ему людей? Запомнили, что дальние караваны и полномочные послы ограждены от покушений?

Подозревают плутоватого кокандского хана Мухамеда? Нет-нет! Шахарбаши¹ Отрара — Каир-хан? Кто бы ни был, найдите скорее головореза! Наказание будет нещадным. Приступайте к осаде города! Предайте его огню, погребите под грудой пепла! Из поверженных голов, которые ковыряют стервятники, соорудите гору. Пусть видит разношёрстный народ. Иноземный люд. Пусть разнесут по миру весть о гневе его и непобедимости войска. Пусть ветер подхватит молву, превращая с годами в легенду. Дабы содрогнулись горы и камни, леса и степи, которых не топтало копыто его коней. Он резко встал. Обычно заволоченные думой глаза его источали молнии. Спокойное светлое лицо стало мрачнее тучи, волны медно-рыжей бороды, щекотавшие горло, оцетинились дыбом. Ярость кагана не могла утихнуть, пока ходили по земле эти два отступника.

Прежде разорите непокорный Отрар, сказал он. Бросьте к моим ногам Каир-хана Иналчика. Вырву из него душу, трепещущую, как осиновый лист! Что делать с плутоватым Мухамедом? И его черёд не за горами. Пересчитаем и его косточки.

Огненной лавой, не давая никому опомниться, огромное войско осадило цветущий город Отрар.

Древний город опоясывал широкий и глубокий ров, залитый водой. Непрístupные ворота были закованы железом. Высокие и мощные стены, несмотря на то, что и днем, и ночью били по ним из громадных камнѐметов, не несли существенного урона.

Из-за сплошного дождя стрел и града камней его войско под стенами не могло поднять головы. Но что же он тогда предпринял, установив свою Белую ставку вдаль от побоища на лобном месте? Поделил войско на две части. Одну часть отправил в Коканд. Приказал идти вослед и не давать спуска плутоватому Мухамеду: «Разорить город, а из черепов его защитников воздвигнуть гору. При моём приближении, чтобы белела на расстоянии полднейного пути. В том только случае воздастся за погубленный караван». Другая часть войска держала Отрар на осадном положении. Решил он заодно и лошадям дать передышку, и воинам, проводившим сутки в седле, приободриться. Минувло месяцев шесть. Город должен был начать вымирать от недостатка воды и продовольствия, а ему всё было нипочѐм. Появились слухи, что воду жители берут из водопровода, протянутого под землёй от реки. Допустим, пьют. Но долго ли можно протянуть на одной святой воде?! Наверняка, где-то существует подземный ход. Горожане через него в один миг уйти не могут. Трудно проскользнуть незамеченными от сторожевых, устанавливающих днем кордоны и ночами жгущих вокруг шенгель и саксаул. Впрочем, без сомнения, по узкой подземной тропе налажено снабжение необходимыми продуктами. Как же найти вход? Под каким бугром, под какой балкой он кроется? Обыщите всё вплоть до мышинных нор, но найдите непременно, потребовал он. Некий осведомитель донѐс, что слышал от бродяги с котомкой через плечо, что подземный ход тянется аж до самого торгового Сайрама. Не-не, баба, собиравшая кизяк, указывала явно на Карнак. Видала, говорит, вход своими глазами. Да сквозь него целую отару можно прогнать, вторил ей типичный пустомеля.

Пока он терялся в догадках, пришла весточка от главного визиря Каир-хана, который давал согласие отворить ворота города собственными руками в случае дарования ему жизни. Пусть откроет, сказал каган. Больше по тому поводу он не тратил слов. Главный визирь тем не удовлетворился и просит пристроить его к правому колену кагана. Хочет ещё и набить хурджун оплатой за услугу!

Последнее донесение застало его на холме. Он стоял погружённый в думы, и легкий ветерок оглаживал его медно-рыжую бороду. Лицо его выразило изумление, в глазах читалась ирония. Он многозначительно кивнул головой воеводе Субетаю, ожидавшему из его уст справедливого вердикта. Пусть не мешкает! Доставьте его ко мне. С Каир-ханом в упряжке... Тогда и услышит моѐ решение.

Поздним вечером непрístupные ворота отворились нараспашку. Ворвавшиеся ураганом отряды,

¹ Шахарбаши — глава города.

сметая всё на своём пути, устроили погром на улицах. Мечети с золотыми полумесяцами, караван-сарай с серебряными куполами — всё подверглось грабежу и разрушению. Старое и молодое мужское население, способное держать хотя бы кочергу, было затоптано конями. Молодые девушки и взрослые женщины бесстрастно бились в руках похотливых захватчиков...

Вместе с утренним пением птиц в его белую юрту завели в колодках Каир-хана и его главного визиря. Каир-хан оказался рослым, темно-русым красавцем. Стриженная бородка придавала правильному овалу лица ещё большую аристократичность. Он предстал перед ним, не преклонив ни головы, ни колен. Бросив холодный взгляд искоса, он так и застыл, ровно сосна стоеросовая, всем видом как бы говоря, делай, что знаешь, пока есть возможность. Эдакая непреклонность, очевидно, и принудила изнуряющих шесть месяцев противостоять ему. Превосходно, отменный рыцарь! Только лишь одного не понимаешь, что показывать геройство перед каганом сродни безрассудству...

Смотреть же на розовощёкого, коротконогого, с округлым брюшком главного визиря, старавшегося вращаться в землю, было просто печально. С мольбой в глазах, он рухнул на колени и распластался ниц. Лежит и ещё скулит невесть о чём? Да бормочет: «Ворота открыл именно я, мой повелитель, всю жизнь изнемогал от нетерпения узреть торжествующий момент Вашего прихода!..» А, вот оно что, горемычный! Побалакай, продажная твоя душонка! Побалакай. В этот час Каир-хан, горько ахнув от изумления, со всего маху пнул жирную задницу прилипшего к полу некогда главного визиря.

— Эй, Каир-хан, — воскликнул он тогда гортанным голосом. — Всю свою жизнь ты держал около себя какого-то прихвостня. Сегодня он предал тебя. Завтра предаст меня. Ему не дано понять, что есть на свете вещи, которыми не торгуют. Не сетуй, что уйдешь неотмщенным. Возьми лук, хоть и слабое тому утешенье. Выбери из колчана стрелу с ястребиным пером. Препроводи собственноручно душу его в преисподнюю. Да чтоб не запачкала его поганая кровь мою Белую Орду. Отведи-ка его на тот дальний холмок...

Прокатилась молва, будто гремучая стрела, распекая свежий утренний воздух, пробила грудь и вырвала наружу грешное сердце главного визиря. Очередная стрела предписывалась Каир-хану. А жаль... Напрасно пропала головушка храброго воина в тисках сладкой лжи и горькой истины!

Взял Бухару. Одно слово, что взял. Шаг не ступи — мечеть. Смотришь на небо и видишь высокие минареты. Не стал будоражить города, погружённого в фимиам священных писаний. Копыта его коней не попирали ничьих учений. Несмотря на то, что эмир Бухары каждодневно клянётся в верности, главный муфтий по имени Наджимиден Кубира и

тени не кажет. В шестислойной чалме, говорят, мудрый ученый. Заговаривает огонь, заставляет воду течь вспять. Допустим. Ужель великий каган не удостоился его внимания? Али его Небесный Тэнгри в чем-то уступает Всевышнему его Создателю? Что за непомерное высокомерие? И стоило ему кивнуть, как тот был доставлен, не успев коснуться земли ногами. Пядь во лбу, утомлённое размышлениями лицо. Упрямая, в обе стороны торчащая борода. Шеи не гнёт. Колен не сгибает. Шагает по узорчатому, многоцветному, длинноворсному ковру, не снимая пыльных галош. Что-то роняет с конца губ и умолкает. Таково было его приветствие.

— Поклонись! — сказал тогда каган сурово.

— Челу, преклонённому перед Создателем, не подобает поклоняться простому смертному.

— Разуи галоши.

— Однако, не дом Господень.

Ни на йоту не думает уступить. Глядит в упор, дескать, делай, чего заблагорассудится. Словно и снисходительная улыбка гуляет у рта. Раз такое дело, решил его проверить. Пробежать по вопросам.

— Почему грубое слово мусульманина делает веероотступником?

— Слащавым словом и змею выманишь из норы. Прежде освободись от условностей, которыми ты окружён.

Что он хочет этим сказать, эй? С кем надумал вступать в перепалку? Острая сабля может стать всемерой. И слетят в никуда: и голова, и чалма!

— Как счастье, так и несчастье представлены единым Творцом. И жизнь, и смерть — его дар! — сказал тот, точно читая его мысли.

— Счастье и горе раба Божьего сегодня в моих руках. Его жизнь и смерть находится в воле Великого кагана. Не путай то и это, светило!

— Тфу! — сказал Кубира, сплюнув через левое плечо на узорчатый, многоцветный, ворсистый ковер.

Его взгляд невольно пал на Субетая, стоявшего рядом. Сверкнув единственным, грозным глазом, военачальник скомандовал нукерам, и в воздух взметнулись наконечники копий. Приговор был безмолвным и поспешным. В итоге он узрел, в чьей власти и жизнь, и смерть, и счастье, и несчастье, о которых мудрёно рассуждал. Сам виноват!

— Эй, Чингисхан, гибель твоя придёт от огня или воды! Помяни слово!

Зря пролил кровь. Подлинно являлся провидцем. Такова она — безграничная власть, подталкивающая в безграничную пропасть. А жаль...

Кто это предстал перед ним? Борода седыми прядями спадает на грудь. Одухотворенное лицо излучает свет. Протягивает ли руки для приветствия? Похоже, что-то хочет сказать. Боже ты мой, так это святой угодник Акбура¹! Когда же их сводила судьба? Куда запропастился? При взятии Отрара. Затем...

¹ Акбура — мифологизированный странствующий угодник.

Оставлен позади разрушенный Отрар. Некогда бурлившая, цветущая жизнь погребена под грудой руин. Заполонили плотоядные грифы. Облюбовала гнусная гиена. Кто же не заедает чей-то век?! Не тягайся с более сильным. Имеет он в виду погибших не своею смертью. Но простого народа он не трогал и давал ему свободу. Не он ли сам наказывал, чтоб не наступали на муравья, который ищет пропитание.

Перед самым сбором одноглазый воевода Субетай приказал снести в огромную кучу несчётное множество книг и рукописей, обшитых кожей и тканью. Разнёсся повсюду слух, будто самую большую библиотеку на Востоке хотят предать огню. Услышав такое, преподобный Акбура упал на колени и взмолился: «О, Великий каган, здесь не только наследие Ислама, здесь хранится собранная со всего света сокровищница человеческих знаний. Кропотливые труды древних учёных и вдохновенные непревзойденных поэтов. Книги не стоят поперёк дороги. Они не чинили вреда. Так в чём их вина перед вами? Пощадите дар времен, пощадите...» — говорил он, и горячие слезы стекали по прядям седой бороды.

Он исполнил просьбу. Выбил из рук воеводы Субетая, сверкающего единственным глазом, горящий факел. Намеревался переправить в Кара-Корум. Сложить аккуратными рядками на возвышенном месте. Окунуться в глубокий кладёз добра и разума. Единственно, коней покамест не повернуть.

На девяти десятках телег едва-едва перевезли за девять суток. По пути на Сайрам взгромодили на высокий холм. Выкопали просторное хранилище. Уложили штабелем и закопали. Вода не подберется. Ветер не разметает. И земля сохранит навеки.

Затем он встретил Акбуру у подножия Казыгуртского хребта. И тут он вышел ему навстречу.

— Старость одолевает, шага вороньего не ступить, — молвил мудрый предтеча, созерцающая закатный день. — Великий каган, гора Казыгурт — священное место для здешнего народа. Обходи её с благоволением. На вершине её покоятся останки Ноева ковчега. Благодатная эта земля некогда спасла детей человеческих от Вселенского потопа...

Куда меня несёт, вздымая к небесам брызги пены, бурлящий поток?

Пробудиться бы мне...

* * *

Малый, но урок преподнесен был отцом Есукеем. Красным полымем догорали вечерние сумерки, скотина загнана в стойло, творожная похлёбка приготовлена. Мать расстилает матерчатую скатерть на низком столике. Отец, взяв в руки неразлучную спутницу — двенадцатизильную плетть заботливо её смазывает, захватывая кнутовище из таволги, сырым курдючным жиром. В чём же интерес дитя пяти-шести годков? Конечно, он забавляется целой торбой альчииков. Расставит, прицелится вблизи и, щуря глаз, мечет издали, полный самодовольства. И в

такой безмятежный момент мать вдруг истошно как закричит: «Ой-бай! Глянь-ка на это, ой-бай!»

Верхний полог дымохода юрты был открыт. В центре на таганке о трех ногах стоял чугунный казан. Колеблющееся пламя под ним отбрасывало по кругу причудливые тени. Мать, не опуская указательного пальца, показывала на верх. В её глазах светилось и удивление, и испуг одновременно. Машинально взглянул и он. Длинная, не менее размаха двух рук, черная змея, проползши через верхнее дымовое отверстие, зацепилась за унины.

— Ой-бай, надо убить!

Отец молча встал с места, глянул на змею и улыбнулся. Затем подцепил её, свешивая по обе стороны, таволговым кнутовищем плети.

— Оулен, принеси-ка молока!

Из чаши, наполненной до краев овечьим молоком, он струйкой стал лить на голову той черной, в размах рук, змеи. Исполняя старый обычай, он внимательно наблюдал за удивительной тварью. Змея, высунув раздвоенный язык, никакой враждебности не проявляла и даже не шипела. Напробовавшись молока, она медленно поползла к порогу. И затем сгинула в ночной темени.

— Уах! Верно, предводительница целого гнездовья. Пришла, судя по ней, проведать. И получив угощение, покинула нас довольной. Отныне своему потомству передаст завет. Впредь, не причинять вреда отпрыскам Есукея. Поняли, в чём кроется секрет?

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

Это же он, собрав многотысячное войско, идёт на Саудакант. Город, который в своё время, растворив льстивые объятия, без сопротивления склонил голову, сегодня показал оскал. Неоднократно грабил караван, идущий по Шёлковому пути из Китая. Захваченное добро пустил на делёж. Обратил в раба караванбаши, отрезав ему уши. Прочим, абы не сбежали, подсек пятки. Под кожу засыпал мелко рубленный конский волос. Разнеслась скверная весть, что делал торговых людей козлоногими вообще.

Одновременно передовые тумены на Западе заняли Киев, и свободно прогуливались по Европе. Он бы и не обратил внимания на строптивость какого-то Саудаканта, расположенного под самым носом. Между тем есть указ Великого кагана, действующий одинаково на всей территории империи. Один из его пунктов гласит — не чинить преград караванам и не проявлять враждебности к торговому люду, соединяющему страны, пополняющему казну и доставляющему населению столь нужные товары. Равнозначно перекрыть животворные русла рек. Если кто бы то ни был преднамеренно нарушит данную его волю, наказание одно — смерть!

Войско, поднимая тучи пыли, окружило город. Свою белую юрту он установил на холме в отдале-

нии. Узрев жуткую картину, город всполошился. Засуетились и забегали, спотыкаясь о собственные полы халатов, высокомерные сановники и неуклюжие, напоминающие жирных уток, богатеи. Не успело молоко вскипеть, как ворота города были распахнуты настезь. Кто-то в огромной чалме во всю прыть скакал на своем мышасто-сером коне. За ним следом, рассыпавшись цепочкой, подобно катышкам жеребца, потянулись и остальные. Приблизившись на расстояние ягнячьего выпаса, резко встали. Белая юрта на холме, словно бы белая сова, тарасившая глаза, вселяла в них неимоверный ужас. Не в силах унять дрожь в членах, они теряли остатки самообладания. Но согласия принять он не дал. Напрочь отстранился. Несмотря на все старания, куда было им лезть на рожон? Держал их не солоно хлебавшими эдак дня три. Изжаривал на июльском солнце, как бы желая живьем уморить. Такого рода способом он выжал из этих корыстолюбивых недоумков все соки. Ибо они, как на подбор, были медными лбами. Надеялся заронить в них хоть каплю благоразумия...

Саудамент? — нет, не похож. Это же Сарайчик на Жаике! Что за видения, роящиеся перед глазами? Поднимающиеся из уголков памяти. Толкущиеся бессчётными картинками и образами. Да, Сарайчик, явно он. Вольготно разместившийся на берегу раздольной реки Ак-Жаик. Роскошные дворцы. Жители, не знающие ни в чём нужды. На склонах холмов тучные гурты всех разновидностей скота. Днём в реке дыбятся большая рыба. Уподобившись овцам, блеют полуночные лягушки. Благообразный и вельможный люд встречал его за дневной переход, а за полуденный отбивал челобитную. Города трогать не стал. Уж больно пригож показался. Тумены расселил на постой по кишлакам и аулам. Заодно и отошавшие кони, чтоб округлились. Не будут брыкать брюхо, не возьмут и карьера. На пути предстоят перевалы, пролегают полноводные реки. Остроклювых орлов своих и ястребов, ровно как и точеные сабли, надобно лелеять и холить, доставая на свет из ножен.

В приступе ярости, перед тем как оставить город, он собрал всех известных и знатных вельмож и, приказав привязать им на шею по камню, сбросил в реку Жаик. Погубил в глубокой пучине. Потому как и обида его был глубока. Уличил в непростительных умыслах. За маской благодушного радушия обнаружил уродливое двуличие.

Так всё таки за что? Кто-то вправе задать вопрос? Так вот, пока он безмятежно отдыхал в гостях, заправились с побережья реки сговорились с башкортскими однородцами из Зауралья. Снарядили гонцов на Устюрт к туркменам. Препроводили письма кровным братьям, пребывавшим в Кажы-Тархане¹ и Крыму. Предлагали объединить силы против монгольских гостей. Сговорились сколотить единое

войско. Сплошь разношерстный сброд! Возомнили себя сливками на поверхности народа. Им бы лучше знать, что они лишь поскребки со дна казана.

С ним был рядом внук его Бату². Пострел-то и заметил что-то неладное. Он и не предполагал. Куда им-де деваться из плотного кольца туменов. Попрятаться не успеют, стоит повести бровью или забить тревогу. Так-то вот.

Столы ломились от яств. Сидя во главе дастархана и думая о своём, он как-то и не замечал всего происходящего. Потянулся было за кубком с ароматным, душистым напитком. Надеялся смочить пересохшее горло. Как в ту самую минуту маленький Бату ухватился за его рукав. И пронзительно вскричал. Кубок, изготовленный китайскими мастерами, был цвета мрамора. Стоит положить в него яд, как он тотчас меняет свой цвет. Возводя бесконечные стены, поедая червячков и букашек, на какую только хитрость они не способны. Лилейно-белый кубок изнутри стал вдруг голубым. Жидкость в нем перламутрово переливалась цветами радуги... И это его, обласканного самим Тэнгри, пытаются обречь на неслыханные муки?! Душу, над которой властно лишь Небо, хочет отнять первый встречный. Он-то думал, что они исстрадались по добру и справедливости. Ан нет — безмерно возгордились! Превратно приняли простоту. Благое расположение сочли за слабость. Сборище растленных грешников!

Смертоносный напиток выплеснул в лицо сидевшего напротив и уткнувшегося в пол главы города. Разом встал. Львиный рёв его раз шесть обогнул всю майданную площадь.

Поднялось войско, выровняв строй. Сарайчика, предназначенного в будущем Бату, поджигать не стал. Собрал до единого всех знатных и известных вельмож. Приказал каждому по весу его подобрать камень. Волосными веревками привязать к согбенным шеям... Срывавшихся с высокой кручи злочастных людей поглощали без разбору волны раздольной реки Ак-Жаик. Безгрешная река всё не могла насытиться грешными телами. Лицезревшие эту жуткую картину правоверные, словно бы призывом к азану, долгим эхом сотрясали впоследствии поднебесье: «Чингисхан — карающий меч Аллаха!». И буд-то перед ними расстелены молитвенные коврики, бросились лбами под ноги великого кагана.

А что Саудамент? Тем временем, как он протягивал шёлковый аркан между Востоком и Западом... Ставил волчьи капканы на караванном пути. Он принял их на четвёртые сутки. Выскочке, скакавшему впереди на мышасто-сером коне, отрезал уши и предал рабству. Прислужникам подсыпал в пятки рубленого конского волоса. И, распорядившись найти того караванбаши, покрывшегося струпьями и питавшегося объедками, всучил ему ключи от города. Какой человеческий сын противостоит «карающему мечу?!»

¹ Кажы-тархан, Аштархан — исторические названия города Астрахани.

² Бату или Бату-хан — Батый.

В памяти сохранилась одна шутивная притча, поведанная отцом. Как же она начиналась? Ах, да! С изумрудной глади небольшого, но красивого озера шумно вспорхнула и поднялась в воздух стая уток. И куда-то направилась. По пути им встретился ясный сокол и спросил, в чём дело. Тогда утки ему ответствовали: «Да пропади оно пропадом! Воняет, просто невозможно! Вон там, в отдалении есть другое озеро: и вода в нём почище, и на вкус поприятнее. Вот туда и летим!» Тогда сокол, говорят, посмотрел на них и сказал: «Пока живы ваши жопы, и ему недолго провонять...».

* * *

Где же тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

В одно время он, преследуя по пятам Хорезмшаха Мухамеда, покорял одно за другим селения сартаулов. Войдя в древний Ургенч, великий каган устроил передышку. Созвав местную знать, принимал решения. Давал щедрые обеды. Утомленные изнурительной верховой ездой, нукеры отдыхали и устраивали массовое веселье. Местное сартовское население, избежавшее погромов, лезло из кожи вон, чтобы угодить грозным степнякам, устраивая различные игры и представления, показывая своё умение. Это было одним из них. В центр вышла стройная, обольстительная девушка, одетая в полупрозрачные наряды из тутового шёлка. Вышла не одна, на руках у неё была трёхметровая змея. Толщиной примерно в руку борца-палвана. Змея, скручиваясь и извиваясь кольцами, точно толстый волосяной канат, ластилась к телу девушки. Проползала по её груди и свисала хомутом с шеи. Девушка с глазами лани, приблизившись к нему, склонилась в кротком поклоне. Он тоже проявил благосклонность. Бросил ей золотой слиток с копытце стригунка. Воины-нукеры безумно восторгались невиданным ранее зрелищем. Раз уж сам великий каган в приподнятом настроении, то им и сам Бог велел. Один из них, подойдя к девушке, протянул к змее руку. Надумал погладить ладонью. В мгновение ока змея перекинулась на него. Скрутилась кольцом вокруг его шеи и стала душить. Глаза несчастного выскочили из орбит. Хлынула кровь из носа и рта. Никто и понятия не успел, как бездыханное тело сползло на землю.

Потомки мои, власть в руках человека также небезопасна, как хищная тварь в руках той девушки. Поступишь неосмотрительно — затянешь на своей шее удавку. Поди, многое останется ещё неизменным под этой старой луной.

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

В Сарайчике видел небольшое, с наперсток, озеро Сахарное. Прозрачное, как слеза, среди просторов

зелено-рыжей степи. Лежит, будто алмаз на ладони. Не заросшее камышом и рогозой. Вокруг стоят и перешептываются по икры в воде белые березы. Воду де подсластили наботом. Лебеди, стеля крыло, одни садились, одни с клёкотом взлетали. Зрелище, достойное платы. В вечерний час он прогуливался вдоль по берегу. И, о чудо! Из-за ближайшего мыска на волнующуюся шёлковую гладь озера выскользнула, словно перышко, золотая лодчонка. И направилась в сторону лебединого гурта. На лодчонке, слепившей отражением закатных лучей, сидела молодая дева в черном одеянии. По сторонам не оглядывалась. Ко всему безучастная. Вёсел едва касалась. Любимчики озера, грациозно скользившие парами, и не помышляли принимать её за постороннюю. Плыли навстречу, плескали крыльями, проявляя явную радость.

Год назад её избранник захлебнулся в омуте этого красивого озера. Сама она была дочерью военного сановника. Росла беззаботной баловницей, не ведавшей огорчений. Отец, угождая капризам единственного чада, засыпал в озеро телегами набот. Сделав его сладким на вкус. Распугав гусей-уток, приручил лебедей. Так баловница отца и баловница озера лебедь нашли язык меж собой.

После беды облачилась в черное. Перестала говорить. Отстранилась от житейских радостей. Отворачивалась от тех, кто пытался раскрыть её душу. Все свои тайны доверяла вечерами лебедям. И делилась с ними печалью, разбавляя воды сладкого озера горькими, подобно живительным каплям, слезами.

Изящное создание даже и не повернулось в сторону Великого кагана. Прислужник, которому не понравилась неслышанная вольность, вопросительно взглянул на него. Он пресёк его одними бровями.

Неужто и девушка, окликающая и плача, улетает вместе с белыми лебедями? Поднимается в синь на чудо-лодке, обратив пару вёсел крыльями. Теснова-то на земле, зато просторно под небосводом. Не сожалеет ни о ком, лети!

Почему тумены из Крыма вновь окружили Су-дак? Как ещё нужно его покорять? Он ведь эту прочную крепость уж брал. Не оставил от города камня на камне. Пролилось много крови. Несговорчивого князя отпустил, сделав евнухом. Нешто мало, забыли прежний урок? Уклоняются от подати? Куда же смотрит Чагатай? Пусть первоначально на приступ бросит своих слонов. Дабы пришли в ужас, увидев эти, машущие ушами, ровно эфиопы опахалами, громадные чудища! Больно уж знакомая картина. Стоит всё перед взором. Дай, всевидящий, памяти!

Однажды в долгом походе он наткнулся на город-крепость. Ворота окованы железом. Высокие крепкие стены. В ширину в три размаха рук, не менее. Глянешь на башни — малахай с головы слетает. При возведении, небось, предвидели, что, в конце концов, придёт претендент. В стенах и в башнях по всей окружности зияют бойницы, напоминающие пчелиные ульи. Из этих бойниц сыпался град стрел. Ни

встать, ни поднять головы. Взбешённые кони, сбросив всадников под стенами, возвращались налегке. Терпение было на пределе. Он кипел от ярости и негодования.

Камнемётные машины сотрясались и днем, и ночью. Велел наматывать на стрелы фитили. Подпалив их, отправляли через стены. Смоляные сосновые крыши загорались хорошо, клубясь черным дымом, но быстро гасли. Проворные горожане успевали их дружно тушить. Думал он думал и решил снарядить послов. «Аз есмь хвостатая звезда Небесного Тэнгри. Смиритесь перед судьбой. Прислушайтесь к воле-изъявлению моему. Не устраивайте кровавого побоища. Прикройтесь крылом моего милосердия. Тогда сохраню вам нетронутым город. Дарю вам ваши жизни. Таково моё последнее слово. Коль не покоритесь — небо упадёт на землю. Реки потекут вспять. Земля повергнется в огонь и пепел. Всё живое поглотит трясина. Рвы и овраги наполнятся трупами. В лесах не оставлю голой жёрдочки...»

Подняв белый флаг, посланники подошли к крепостной стене. Града стрел не последовало. Приставили длинные лестницы. Камни не полетели. В тот момент, когда пятнадцать безоружных людей, карабкаясь, почти взобрались на стену, душераздирающий вопль потряс всю окрестность. Кипячённая на углях смола, бочка за бочкой опрокинулась на головы послов. Сварились заживо. Бездушные тела обсмолёнными, чёрными валунами катались под ногами.

Это переполнило чашу. В тот же час сгустил он над крепостью чёрную смерть. Пускай себе льют, пока не закончится смола, не останавливайтесь, сказал он. Стены вокруг города были обложены лесами и подмостками. Никакая сила уже не могла остановить озверевшие тумены. Горящие стрелы сыпались на защитников, словно ноябрьский снег. Громадные боевые слоны с диким рёвом растаскивали железные ворота.

Один только всемогущий Тэнгри мог встать на пути. Так как не существовало тому преград меднолобых рабов Божьих. Он не оставил камня на камне. Правда, женщин и детей, убегающих по закоулкам, не тронул. Однако всё мужское население посчитал недостойным стрел. Приказал умертвить поголовно испытанным монгольским методом.

Метод... Какой же это был метод? Возбужденное сознание спутывалось именно в этом месте. Монголы престарелых и обессилевших родителей... Он был мальцом, недавно поднявшимся с четверенек. Несмотря на то, событие пропечаталось в его детской памяти навечно. В опустившихся густых сумерках послышался топот копыт. Следом раздался отчаянный вопль: «Есукей, где ты? Спаси меня!» Хлопнула створчатая дверь. На пороге появился старик, двоюродный брат отца. Задыхаясь, он упал к нему в ноги. Отец, помрачнев лицом, потерял дар речи. Не знал, что и думать. Старший брат, стоя на коленях, умоляюще смотрел на него. Бормотал что-то невразуми-

тельное. Не понимая происходящего, он в страхе прижался к материнской груди. Кто осмелился покуиться на старшего брата управителя племени кият, именитого Есукея-багатура? Какой охальник не даёт ему житья? Отец долго сидел молча, наконец сделал знак Оулэн подбородком. Тем он давал знать, что пора подавать айран и укладываться спать...

Позже мать, не в силах сдержать слезы, объяснила тайную суть того ночного визита. Да, взрослые дети престарелых и обессилевших родителей... Сначала обихаживают, не чая в них души и угощая арком¹, приготовленным из ячменной настойки и крепкого кумыса. Подливая то и дело, спаивают до пьяна. До полной потери ими сознания. После того... После бьют по пояснице, обрывая позвоночный столб. Таков сыновий долг. Неукоснительная традиция, унаследованная от предков. Не исполнишь, будет кликать «эй, нечестивец!». В среде родичей станешь бельмом в глазу. Потеряешь средю общения. Тела испутивших дух родителей поднимают на возвышенность либо оставляют у подножия. И радуются тому, что прилетевшие на пир стервятники всё выклевали и оголили белые кости. Благая весть вознаграждается подарками. Говорят, улетели во владение Вечного Тэнгри. Душа попала в райские кущи.

Будучи ребенком, он содрогнулся от услышанного. Тело бросало в жар. Нарушился сон. Время от времени в его ушах возникал отголосок отчаянного крика: «Есукей, где ты? Спаси меня!» Он проклял в душе такой обычай.

Отец его в битвах с врагами безвременно погиб. Мать старался защитить от всех бед и лишений. Она умерла, спокойно состарившись, собственной смертью.

Мужское население Судака... Всем без исключения переломали хребты. Трупы складывались пирамидами. Руины города лежали под огнём. Князь и тогда не склонил головы. Надменно выжидал. Сохранял достоинство. Поэтому и удивил его, заслуживал симпатии. Приятно, когда твой противник достоин духом. Предай он народ, спасая себя, открой своими руками ворота — всё равно не быть ему в живых. Статный государственный муж. Смотрел прямо, хладнокровно наблюдая за ходом событий. И не шёл на попятную, держался до конца.

Слышал, что годом ранее умерла его жена. Под спудом переживаний жил бобылём. Он и подумал, какое же наказание может соответствовать вдовцу. Уважив его храбрость, не стал приглашать палача ломать хребет. Отпустил бы. Но как понимать поступок с заживо обваренными пятнадцатью послами, целой армией полёгшей под стенами? Уйдут не отмщёнными? И к тому же князь состарился, теперь ему не о женском счастье надобно печься... Отпустите-ка его, охолостив, сподобив старому нашему мерину. Отны-

¹ Арк, арак — крепкий алкогольный напиток, водка.

не поживёт и евнухом. Будет впрок и другим князьям, кто лезет из кожи вон показать себя...

М-да, озеро Сахарное... Лежало, как алмаз, на ладони. Из-за ближайшего мыска на волнующуюся шёлковую гладь выскальзывала, словно пёрышко, золотая лодчонка. Позже, когда красна девица и краса озера — лебедь роняли в воды сладкого озера живительные капли слёз... Лодка опрокинулась, и девушка, захлебнувшись, утонула. Ходила молва, что единственную дочь сановника предали земле в золотой лодчонке. И та лодская молва заронила в нём мысль.

Пробудиться бы мне...

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу окраин света...

Э, да это родной Кара-Корум! Край обетованный. Почему давно нет вестей от Кулагу, повернувшего коней на Миср¹? Куда девался этот летописец с искусными пальцами? Отчего бы ему не подготовить письменного привета, сродни тому, которое мы препроводили Субетаяу? Что же они на шелку начертали, скрепив рубиновой печатью? «Зная твою доблесть и безграничные возможности, я отдал тебе на откуп просторы между восходом солнца в предгорьях и его закатом. Всякому, кто подчинится воле твоей и присягнёт на верность, подари жизнь. Обладательствууй милостью. Всякому же, кто пытается встать супротив тебя, наказание должно быть одно. Заверши его юдоль земную собственноручно. Отправь во владения Вечного Тэнгри», — витийствовал он. В трудную минуту будут опорой ему с двух боков. Напишите, скорей, Кулагу! Дайте в руки мне рдяную печать! Поставлю-ка я тамгу на все времена! Принесите, живей!..

Ведь это тот плут, которого подвластный народ величает Мухамедом Хорезмшахом! Бросив честь псу под хвост, убегает, что ли, в Афганские горы? Именно таким образом, под стенами Бухары и Самарканды спасалась его правоверная армия, завидя ревуших и несущихся прямо на них, содрогая землю, два десятка разъяренных слонов. Нет, нет, подался, кажется, в Персию. Впрочем, сочтут ли теперь его за султана? Совсем потерял рассудок. Почему же говорили, что бежал, поднимая пыль, не выдержав натиска Субетая? Поселился на крохотном островке, затерявшемся в пустынных водах Хазарского моря. Нашел там смерть от змеи. Кости растащили морские собаки — тюлени. Неужто воскрес заново? Гонитесь за ним на пристяжных. Закуйте обе ноженьки его в колодки. Не лучше ль почить шахидом на твердой земле, чем затерять кости в безмолвной пучине. Такова ему последняя милость.

Что делает Борте среди этой сумятицы и погони? Лицо её открылено улыбкой. Наречённая ещё при

жизни отца его Есукея, невеста готовится ступить через порог его с матерью скромного жилища. Сколько заснеженных зим миновало. По волосам его тоже пробежал белый иней. Нешто женщине и годы нипочём? Стоит, чего-то робея. Почтительно наклоняется. Ах, так на руках у неё длиннополая шуба, сшитая из меха черной куницы. Гордилась, что сама, своими руками скроила и сшила для суженого. И что же, до сего дня таскается с таким тяжелым подарком? Для юнца в то время он казался самым что ни на есть богатством, подношением Тэнгри. Спустя годы слава его затмила луну. Он стал величаться не иначе, как Властелином мира. Под ногами выросли горы золота и серебра, россыпи разноцветных, слепящих глаза, самоцветов. Неопишемого благолепия дворцы, бесчётные племена и народы склонились перед его могуществом. Правда, это великолепие не смогло затмить той старой куней шубы, которая в непогоду согревала его вдвоём с матерью в бедной, простой лачужке. Нет, несметные богатства искусённых лет не стоят и толики добра, которое ему выпадало в полуголодной, нищенской юности. Где же носит этого летописца с искусными пальцами? Не этот ли завет следует оставить его потомкам?

Так и теснятся, наступая на пятки друг другу. Утопают в белесом мареве и возникают заново. Кто этот вельможа со стриженной черной бородкой, а тот юркий, как воробей, чьих будет государей, что потерял здесь дородный молодой бай-боярин с отвисшим подбородком... Идут напролом за своей правдой. Подите вы прочь! Был бы бесценный сват или бывалый друг, куда ни шло... О, не верю глазам своим, неужели русская краса Ольга? Жива, стало быть. Значит, не сочтены были дни. Как нагло его провели. Если б умерла, то, наверное, не вернулась? Пробудиться бы мне. Загнал бы душонки лгунов и плутов в одно игольное ушко! Им бы соседствовать с крысами. Скучают, быть может, по зиндану в сорок аршин.

Стройная и гибкая, словно ива. С голубыми цветами неба глазами. Золотистые, светлые волосы треплет ветерок. Подалась вперёд. Тянет руки. Дай-ка, поддержку твои лилейные пальцы. Приглушу тоску по тебе. Шевелит губами, но почему не слышно голоса? Повтори. Говори же! Ну, пойми теперь...

По сути, светлый облик Ольги давно ли появился в Кара-Коруме? Прожитые годы, как похожи они на быстро текущий сон. Предраассветный.

Князь Юрий Алексеевич собирался в дорогу, в надежде самолично подать руку кагану, поделиться негласными планами. Думал, примет полюбовно — побратаемся, вкусим от щедрот наших. Благополучно преодолев шесть месяцев нелегкого пути, прибыл с дорогими подарками и сувенирами. Сопровождала его всего-навсего небольшая дружина.

Принял его со всеми почестями. Водрузил отдельный шатер. Лично князю поставил шестикрылую белую юрту. Душа Чингисхана открыта к кому бы то ни было, кто признавал подданство, шёл с чи-

¹ Миср — Египет.

стой совестью, желая ещё более сблизиться. И объятия широки, и нравы возвышенны.

Князь Юрий Алексеевич сделался названным братом и дал клятву на верность. Преподносил дорогие подарки. Но его, о, Господи! избегавшего разноцветной мирской мишуры, разве можно удивить грудой подношений. Благоволил лишь в благом расположении. Единственно, восторженно, как увидел стройную и гибкую, словно ива, красу Ольгу. Улыбнувшись, засмотрелась и княжья сестра голубыми, изливаящими цвет неба, глазами.

Золотистые, светлые волосы... Обычно невозмутимый, хоть земля из-под ног уходит, он в порыве устремился к ней, протягивая руку. Сопровождавшую малую дружину охватило волнение, которое затем сменилось громкой радостью и гордыней.

Не доверяя другим наложницам, исподволь пакостившим друг дружке, попечительство поручил старшей из жён Борте. В дальнейшем сроднила их страстная ночь, оплатив всё сполна своей жаркой любовью. Жаль, не встретила в его молодую пору. Могло стать, подарила б наследника. Не сказать, иного рода-племени, не было в ней изъяна...

Внезапно в одну ночь краса его исчезла. Ни Борте, ни кто посторонний даже и не заметили. Он едва не перебил весь дозор, мимо которого мышь не могла проскользнуть. Молящих о пощаде наложниц чуть не попризывал к хвостам взбешённых коней. От его нестерпимого вопля гнулись деревья и стелилась трава, бурлила вода и стонала земля. Поставил заграждения, проверил горные тропы. Прочесал леса и степи. Пропала бесследно. То ли джинн обуял? То ли пери унесла на крыльях? Бежать в родные края и повода вроде не было. Коню не домчать — путь не близок. Избив копыта, падет по дороге. Не всяк зверь и не всякая птица одолеет. Стал не мил великий каган... Такое и подумать немислимо! Сколь принцесс и прелестниц со всех концов света мечтают лишь попасть в его тень. Растопив немало сердец, он никого не неволил. Брал только то, что даровано судьбой. Всего и не упомнить. И только русская ладушка... Неужто её сладкие чары так и останутся воспоминанием до скончания века?

Источилась шербатая Луна, и на место её взошёл молодой месяц. Известие доставили случайные конные путники. В далеком горном ущелье нашлись останки княжьей сестры. Золотистые, светлые волосы теребил ветерок. По ним и узнали. То ли волк утащил? То ли медведь задрал? Одни кости белеют. Усмехавшимся, что бес попутал, поотрезал языки. Ополчился на всю волчью масть. Поубавил медвежью породу. В час погребения останков срезал золотистый локон и передал его в тайное хранение. С того дня и сам занемог. Никого ни видеть, ни слышать не хотел. Взял за обычай размышлять в одиночестве. Временами надрывно стонал. Пожалуй, неисполненная тоска язвой жгла изнутри...

Жива, стало быть. Знать, не сочтены её дни под солнцем. Так жестоко его погубили. Кабы умерла, то

бы не вернулась! Подойди, присядь ко мне рядышком. Успокой мою грусть и печаль. Почему тянешь руки свои с порога? Зовёшь меня с собой куда-то пойти? Пошел бы, да качающийся, зыбкий мир пока не отпускает. Не даёт пока права оставить.

* * *

Где же тюрский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Избегайте пристрастия к богатству. Оно породит в вас желчь и зависть. Разожжёт ядовитую алчность. Отсюда пойдут ваши беды.

Чего добился Субетай в мусульманских странах и Мукулай в Китае оттого, что позарились на снаряжение, шелка и посуду, затуманившие взор? Забывают ремесла и традиции предков. Не родились ли вы на свет нагишом? Какой скарб хотите забрать на тот свет? Почему не возьмёте примера с меня? Разве сгробал я чрезмерное состояние? Или носил несвойственные одежды? Брал в руки чуждое нам оружие? Шёл на поводу превратного мира? О, нет! Вы же видели своими глазами.

Будете продолжать так жить, враги вас задушат в своих объятиях. Отречётесь от Вечного Синего Неба. Позабудете речь родную, к которой уж прислушался остатный мир. Натрете ляль и картавить на разных языках. Что тогда ты будешь из себя представлять?

Потомки мои, куда бы вас ни забросила судьба, не теряйте дороги к священному Кара-Коруму. Не предавайте одиночеству горы Бурхан-Халдун. Да не опустеют без вас воды Онон-реки. Там покачивается на ветру золотая колыбель твоя.

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут очертя голову в тысячу окраин света...

Торопливо, враскорячку, паук старательно расставляет сеть. С завидной ловкостью соединяет меж собой две сухие ветки. Это же горный хребет Бурхан-Халдуна. Как сюда попал паук? В детстве видел их множество. Бредя следом за овцами, кидал в них камнем, разметав в пух и прах шелковистые, липкие пути. Видал, как шустро бегают? Ой-ёй, какое расстояние между ветвями! И паутина такая крепкая. Не уступает, кажется, волосному аркану. Возможно, и конь не разорвёт на скаку всей грудью. И под рукой, как нарочно, нет ничего подходящего.

Что это за звук, похожий на звонкое жужжание? Неумолчно впиается в уши. Кто же так отчаянно кричит? Маленькая, чёрная муха. Запуталась в сетях паутины. Вопит из последних сил. Пытается вырваться. Спрятавшийся за веткой паук спешит враскорячку. Как тарасит глаза от радости, как искусно опутывает шёлковой нитью! Маленькая, чёрная муха, попав в плен, сопротивляется из последних сил. Как назло нет камня...

Перед началом Великого похода пригласил своего прорицателя. Принудил смотреть на Луну. Прочитать ход звезд. Прорицатель в чапане до пят, прикрыв один глаз, ушёл в глубокое раздумье. Наконец, очнувшись, промолвил: «Вижу, собираетесь вторгнуться и покорить две большие страны. Однако не поспело время, говорят небеса. Впереди расставлены прочные сети. Первая — непроходимый водный поток, вторая — непреодолимая каменная стена. Есть стародавний кровный враг. Перво-наперво разбейте его. Сделайте себе подвластным. Вслед за тем путь будет расчищен дальше. Небесный Тэнгри сопутствует вам».

Пригладив медно-рыжую бороду, он призадумался. Стародавний заклятый враг — Тангутская держава. Главной целью его был Китай, укрывшийся за Великой стеной. Страна поделена на два больших лоскута, именуемых Северной Цзинь и Южная Сун. Иногда ссорятся, иногда мирятся. Особенно точил он зуб на Северную Цзинь, во времена оные коварно предавшую и погубившую прославленных ханов Кабула и Катыла. Наступила пора положить конец безграничному плутовству. Ничем не выказав коварных помыслов. Не объявив войны. Без всякой видимой агрессии. Стараясь играть на настроении вождей соседних кочевых племен. Раскатывая рулоны своих шелков. Предлагая огнестрельное оружие. Даря звонкие бусы и сверкающую посуду из фарфора.

Конечно, после подобных щедрот и красот степная вольница непомерно воодушевилась. Безмерно разгулялась. А с наступлением сумерек милые соседи распрямили когтистую, хищную лапу. Набросились коршуном. Разорили дотла. Сыновей, поотрезав уши, угнали в рабство. Дочерей, состригши косы, превратили в наложниц. Обездоленный народ полвека не мог прийти в себя.

Только при хане Амбагае племена тех монголов смогли окрепнуть. Император Цзинь, ожидавший мести, постарался заново заключить мир с отдельными вождями кочевников, закрепляя его излияниями и лобзаниями. Бросая огонь, разжёл между ними кровавую распрю. Страна номадов была истерзана. Разорённые племена откочёвывали. В затянувшемся противостоянии хан Амбагай угодил в плен. Его передали в руки китайского императора. Бросили в сорок локтей зиндан. Каждый божий день от его тела отрезали кусок мяса. Вырвали язык. Выкололи глаза. Погиб в нечеловеческих муках.

Обида и скорбь затвердели комом в сердце великого кагана. Народ Китая не имел числа. Отлично вооруженная армия, неприступные стены. Были, впрочем, и слабые места. Настало время набросить петлю на шею. Подобрали самый удобный момент.

Выходит, прорицатель не врал. Что же донесли его лазутчики, излазавшие сокровенные уголки Тангутского царства? Что дела их, расселившихся вольготно вдоль Жёлтой реки, судя по всему, идут в гору. Хан их, подражая императору Китая, отразил воло-

сы и скрепляет их пучком на макушке. Носит плетеный колпак. С утра до ночи сидит в высоком деревянном дворце на золотом троне. Жены его утопают в шелках, украшаются бусами, умащаются благоуханиями. Простой народ, бросив промысел предков, ковыряется в земле. Доволен тем, что набивает брюхо какими-то красными хлюпяшками и зелеными хрустяшками. В передней к нам, западной, части размещена армия. То там то сям торчат жерла огнестрельных пушек. Китай, по всей вероятности, постарался закрепить тангутов со стороны подступающего врага, чтобы могли принять удар на себя. Иначе за какой надобностью укреплять ему инородный народ?

Что ещё донесли его лазутчики, излазавшие страну? Говорят, ихний хан, с утра до ночи не покидающий трона, установленного в деревянном дворце, кроме женщин, ни в чём не смыслит. Только и знает, изо дня в день, точно жеребец, обгуливать косяк одалисок. Сплошь отборные красавицы со всего света, будто пропущенные через волшебное колечко. Поэтому и бросают шары, путают очередность, царапаются и таскают друг друга за косы. Красу же самой младшей жены, дарованной меркитами, описать лазутчикам не представлялось возможным. Только и твердили, то грустит, то вздыхает, взгляд сияющий опускает!.. Что за дева, от которой теряют рассудок? Человек она или чарующая, может стать, пери?

Широкий лоб великого кагана невольно нахмурился. Прочертились две линии глубоких складок. Эй, меркитская дева, говорят? Те меркиты, которые с давних пор враждовали? Всю жизнь противостояли Есукею багатуру. Переворачивали округу вверх дном. На мировую не шли. Когда он взял в жёны юную Борте, налетели под покровом ночи... Позавидовали счастью сироты, отобрали и увезли его невесту. Сохранили, как единородную дочь, в надлежащем почёте, либо, укоротив косы, держали у порога, неизвестно! Позже, собрав отряд, он её высвободил. Не стал доискиваться до того, что былем поросло. Борте тоже, подобно истерзанной тигрице, не болтала языком. Не мучился он сомнениями и тогда, когда родился первенец Джучи. Забродили, правда, слухи среди сородичей. Дескать, не хватало вскармливать чужого волчонка-подкидыша. Разговоры такого рода он запретил. Можно сказать, пресёк на корню. Кто посмеет сказать непохож — розовошекий такой, в глазах искорки и остроумия, и грусти одновременно? От белолобого коня не всегда рождается белолобый жеребёнок. Родится со звездочкой? — совсем неплохо!

В таком случае, за дело! Да благословит нас Небесный Тэнгри! Одним взмахом руки, подобно двум своим могучим крыльям, он поднял ожидавших на чеку два тумена Субетая и нояна Жебе. Сам двинулся в одном ряду с гвардией телохранителей. Ровной, быстрой рысью они достигли Жёлтой реки. Но и противник не сидел сложа руки. Возможно, поднял их гул копыт. Тумен отважного Субетая бросил в ата-

ку первым. Нояну Жебе приказал обойти правый фланг и зайти врагу в тыл, чтобы, при неожиданном появлении полков армии Цзинь, не допустив соединения с тангутами, разгромить их на полпути.

Предупредительный удар смял начальные ряды противника. В сплошную массу смешались и бежавшие, и преследовавшие. Копытами коней вскопали огороды, на которых росли те самые, не столь сытные, зеленые хрумтяшки.

Не успевая, как говорится, оглянуться и узрев плоды первой победы, Великий Каган остался доволен, ему было незачем созерцать поле брани. Доведя ещё раз до обоих полководцев жестами и мимикой то, что хотел сказать словами, внедрив в их сознание взглядом, он отправился в родной Кара-Корум.

Когда изогнутой тростинкой породился новый месяц, прибыл и гонец с радостной вестью. Тангуты разгромили. Оба тумена, отяжелев обильной добычей, возвращаются назад. Хватаясь за последнюю возможность, хан тангутов, раз за разом, гнал людей для примирения. Снаряжал одного за другим веле-речивых посланцев. Они стлались у ног, точно перепелы с перепелятами. Старая обида разве забывается? Можно ли стереть из памяти кровь, понапрасну пролитую отцами и дедами, стенания юношей и девушек, попавших в рабство, муки возлюбленной в плену у меркитов, которую оберегал он даже от солнечных лучей?

Хана тангутов изловили на пути в Северную Цзинь, куда он бежал на пристяжных в надежде на покровительство. Мелкая, продажная душонка. Не смог достойно погибнуть, защищая свой дворец. Поймав, тут же лишили головы. Подняли на высокий шест. Водрузили посреди города.

Уцелевшее тангутское население, оставив земли, стало бродяжничать. Терпя лишения, расплылось по свету. Наложниц тангутского хана, доставленных из разных стран, поделили меж собой оба нояна. Перед тем как вернуться в Кара-Корум, он объявил, что не нуждается в тангутской роскоши. Богатая добыча попала в хурджуны простых нукеров.

Единственно нужное он объяснил двум своим ноянам на языке тайного жеста и многозначного взгляда. И намёк был выполнен в точности. Взору его предстала меркитская дева с сияющими газельими глазами. Дивная младшая супруга Тангутского хана. Он испытующе взглянул на неё. Красота небывалая для простого смертного, если не вмешалась нечистая сила. В его памяти сохранились лишь брови, то и дело смыкавшиеся и взлетающие крыльями ласточки. Великий каган почувствовал облегчение в руках и ногах.

Испытывая терпение, ждал приближения сумерек. Под белоснежным атласным покрывалом, на широкой шелковой перине... Кабы травленный орёл-беркут усладился степной лисичкой с красно-желтой спинкой... Застарелой обиды не забыть. Всё же душа отогрелась бы немного. Отогрелась бы да утешилась.

На сей раз Борте взяла руководство на себя. Как правило, заурядными делами занималась Райхано. Омывая теплой водой тело вновь прибывшей молодой пассии, умащая благовониями и препровождая к своему хозяину, старшая жена Борте что-то, вероятно, заподозрила... И, видимо, не зря. Стоило лишь в ночном небе загореться светильникам звезд, возник неимоверный переполох. В ход пошли хлопки оплеушин. До слуха данеслись сдавленные рыдания. Посмотрите-ка, что вытворила красавица! Промеж ног в женский орган запрятала лезвие. Надумала месть совершить. Пусть, мол, орёл-беркут утонет в луже крови, когда, расправив крылья, опустится на неё. Пускай, думала, умрёт, не познав улады.

Старшая жена Борте, как выяснилось, почувствовала неладное. Забеспокоилась, словно ангел-хранитель, и пыталась предотвратить. Никому не доверила. Обыскивая двумя пальцами, обнаружила лезвие. Обнаружила и повырывала на бесстыжей волосы. Измазюкала прелестный лик, отсутствующий у простых смертных. Перепуганная до смерти, младшая жена тангутского хана оказывала сопротивление. Порывалась к реке, грозя утопиться. Хваталась за веревку, намереваясь удавиться.

Пораженный, он не предпринимал никаких действий. Руки и ноги его отяжелели. Нешто женщина могла придумать такое? Похоже, перед побегом в Северную Цзинь муж посоветовал. Чему хорошему научит плут? Можно ли ожидать от отступника, предавшего народ, благородных поступков? Хотел обесчестить Великого кагана, подослав женщину. Нашел якобы свою кончину от лезвия в промежности. Он мог бы казнить деву сей же час. Но народ скажет: Чингисхан застарелую злобу возместил на беззащитном существе. Скажет: каган совсем выжил из ума, копь воюет с бабами. Длинноухие сплетники начнут склонять на все лады. По ходу и приукрасят. Мало ли у него переменчивых друзей и врагов в сём коротком, как тень лопуха, земном веке?

Сидел он сидел и сказал, чтобы не трогали, но держали, однако, уединенно. В пище и одежде не ущемляли, но не поддерживали разговора. Не допускали мужчин. Обделили вниманием. Страдает пусть, не находя снадобья от одиночества. Так же состарится и закончат дни свои. Такова кара!

Что за отчаянное жужжание? Нестерпимо режет слух. Маленькая, чёрная муха. Угодила в сети к пауку. Почему он её не отпустит?

Пробудиться бы мне...

* * *

Где же тюрский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Давным-давно, в стородавние времена жили два брата — два змея. Один из них был с одной головой, но со множеством разветвлённых хвостов. Представляешь? Второй же со множеством разветвлённых голов, но с одним только хвостом. Жили они

беззаботно: летом грели спины, а осенью наедались до отвала. Потом примчались предвестники лютой зимы — вьюги и метели. Теперь оставалось залезть в нору и проспаться до теплой весны. Вот тут-то и разгорелся скандал. Змей с одной головой, но со множеством хвостов, недолго думая, нырнул в нору и исчез из виду. А как поступил змей со множеством разветвлённых голов и одним хвостом, спрашивается? Каждая отдельная голова начала доказывать своё право первенства и отстаивать его. Переругавшись между собой, они стали хватать друг друга и не пускать ко входу... С приходом весны и солнечной оттепели одноголовый, но многохвостный змей выползает наружу. Глядит, а его многоголовый брат окоченел на морозе и помер у самого входа в нору. Для чего я это поведал? Подумайте сами, мои потомки! И помните об этом!

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут очертя голову в тысячу окраин света...

И утвердилась в нём мысль.

Утвердилась, и дал тайное поручение четырём своим сыновьям и ноянам, с громоханием расправлявшим, будто сухую воловьую кожу, четыре стороны света. Выискать династии мастеров, с искусными пальцами, умеющими чеканить из серебра и золота различные украшения и изделия. Никто не удивился очередному наказу Великого кагана. Мало ли чего желает душа его, ходящая под покровительством самого Тэнгри. Не поражает ли он на протяжении жизни как друзей, так и врагов! И не в последний, видимо, раз. Как и не в первый...

Раньше, когда только формировались тумены будущего войска, он отправил своих лазутчиков обойти целиком Китай. На что уж только не горазд этот народ, охочий до всякого рода насекомых. За счёт тутовых червей получает шёлковую пряжу. Ткёт из нее прелестную, льющуюся ткань. Прямо-таки удивительно — нить, производимая попкой червячка, по прочности не уступает конскому волосу. В конечном итоге из внутреннего Китая переселил целый хутор ткачей. Распорядился наткать рулоны шелковой ткани. С оплатой не поскупился. Полученный шелк заставил раскроить и сшить на всё войско нижнее бельё. В сравнении со штанами и куртками, сшитыми из войлока и кожи, шелковая ткань оказалась намного прочнее. Не всякая стрела, особенно дальняя, могла пробить. Иная, если и пробивала, то шёлк, растягиваясь, входил в тело вместе с наконечником. Легче было вытащить и рана быстрее затягивалась.

Перед тем как выступить многотысячным войском завоевывать страны мира, заново отправил людей в сопредельный Китай. Распорядился доставить лекарей и знахарей, знающих травы, готовящих снадобы, умеющих проделывать операции и вправлять кости. С отвисяющими хурджунами прикрепил их к обозам. Нукеры, ранее не носившие шёлковых одея-

ний, ощутили вьювь его неопределимую пользу. Угождая под копыта и мечи, благодаря лекарям и шелку, быстро вставали на ноги и возвращались в строй.

Наступила очередь искусных мастеров. В Кара-Корум не столько пришли ногами, сколько их примчали, иной раз не давая каснуться земли, ювелирных дел мастера из Персии, Руси, Кавказа и Крыма. Великий каган, рассыпав перед ними золото, проверил, смогут ли справиться со статуей Будды. Затем оценил свою копию из серебра. Работы были выполнены без сучка и задоринки. Одна лучше другой. Наконец остановил выбор на выходцах с Кавказа. Пришлась по душе серебряная вязь по золоту. То, чего он и ожидал увидеть...

Подыскивая место, предпочёл тесное ущелье Бурхан-Халдуна. После выдалбливания породы внутри горы образовался дворцовый замок. В нём-то и поселил всю общину бородастых ювелиров. Возле узкого входа, в который мог проникнуть бочком лишь один человек, поставил круглосуточный караул. Появится путник или пролетит птица — всё попадало в его поле зрения. Иногда навевался сам под видом верховой прогулки и охоты на дичь.

Ко времени полнолуния, когда месяц округлился серебряной чашей, люди, трудившиеся в горе, оправдали надежду. Исполнили его задумку. Великолепный золотой саркофаг длиной в три и шириной в два размаха рук стоял перед ним. Открыв тяжелую крышку, установленную на пяти петлях, долго глядел вовнутрь. Придирчивым взглядом осмотрел все четыре угла саркофага. Великий каган, некогда обзревавший с высоты седла все четыре стороны света... Ужели дух его, парящий в поднебесье, нашел место последнего пристанища? Ну, будет, оставь!

Обратил внимание на строки, отчеканенные по обоим бокам саркофага. «Чингисхан Волею Небесного Тэнгри повелитель мира». Хвала провиденью! «Коли потревожите золотой саркофаг, наступит конец света». В полутёмной пещере золото, тисненное серебром, отбрасывало загадочные блики. От этих безжизненных бликов веяло холодным дыханием суетности земного бытия. Он невольно поёжился. О, светозарная жизнь, пролетаешь и ты над моею сирой головушкой!

Великий каган эту свою великую тайну из всех современных ему сынов человеческих донёс до слуха лишь одного мудрейшего Кокко-Цоса...

Да, тангуты были разбиты. Между тем закончились ли на том, как переменчивый ветер в непогоду, скрытые козни недругов? Всегда найдутся обиженные и ненавидящие его супостаты? Один из них — хан Кучук, отпрыск найманского хана Таяна. Призвав себе в союзники меркитского вождя Токтабека, не прекращает ерепениться. Сколотил войско. Говорит, задрал нос, получая огнеметы из Китая.

Меркиты — старые соперники, примирения быть не может. Подобрав удобный момент, судя по всему, пришло время ударить по ним одновременно. Под

прикрытием сумерек вызвал в ставку своих ноянов-воевод Субетая и Жебе. Спустя несколько дней оба тумена уже держали курс на Восток. Не обыденно и серо, а под торжественный треск барабанов и призывы сурн. Иногда, чтобы подавить настроение противника, такой метод тоже уместен. Он как бы давал понять тем самым, что с тобой воевать — что на прогулку сходить. Всего-то делов, прийти и взять тебя за шиворот. А мотивы ему известны.

В стан врага оба тумена ворвались с наскоку. Не дав опомниться, тут же обратили в бегство. Разворотили укрепления. Кишлаки сровняли с землёй. Вытоптали посевы и пастбища. Захватили людей и скот.

Голова Токтабека, не удержавшись на плечах, попала в дорожную сумку и выкатилась к нему под ноги.

Хан Кучук, скрутив лошадям хвосты, бежал без оглядки за Китайскую стену.

Не о том ли помышлял Великий каган? Не мешкая в Северную Цзинь отправил гонцов. Потребовал схватить, связать и передать ему хана Кучука. В противном случае... Последовал высокомерный ответ: «Если монголы — рыба, то мы — море. Куда деваться рыбе без моря?» Сказали, что хан Кучук «богоугодный наш сосед, и мы не можем согрешить, подняв на него руку...». И с каких это пор они стали верны узам дружбы и данному слову? Не получив внятного ответа от гонцов, снарядил нарочных всем четырём сыновьям. Находившиеся рядом сыновья Укитай и Толе прибыли незамедлительно. Из афганской земли поднялся Чагатай, с речных пойм Урала и Волги двинулся в поход его первенец — Джучи. В лунном свете сверкало копьё прославленного джалаирского тигра Мукилая. Тумены, текущие со всех концов света, затмевали поднятой пылью дневное светило.

На сей раз, оседлав белого боевого коня, во главе похода встал сам. Девятихвостую хоругвь с изображением волчьей головы доверил держать младшему сыну Толе. С идущими вослед был краток. «Ещё не высохли слезы отцов и дедов. Духи предков требуют мщения! В нас десница Тэнгри. Айда!»

Император Северного Цзинь не сидел сложа руки. На что же сетовал его прорицатель, созерцавший звезды ровно полвека назад? «В ближайшие времена в одной из северных стран появится роженица. В утробе её будет мальчик, держащий в кулаке сгусток крови. Если он появится на белый свет, то покорит полмира. Угроза Поднебесной исходит именно оттуда. Надо умерщвить, пока не открыл веки и не ступил на землю». Положим и так, но не гладить же чрево каждой привередливой бабы, возжелавшей зачать. По лику какого дитя, появившегося на свет, призовет гадать ведунов? И стал загребать жар чужими руками. Стравливал тангутов с маньчжурами, меркитов с монголами, наблюдая за театром со стороны. Смотрел, кто кому глаз выклюет, заигрывал с победителями. В итоге, четыре кочевых племени превратились в непримиримых врагов.

Гибель его отца Есукея пришлась на тот период.

Великий каган миновал разорённую тангутскую землю. Придержал коня у Жёлтой реки. Бурное течение не позволяло переправиться с лошадьёю. Река клочкотала и пенилась, поднимая со дна желтый ил и глину. Чтобы не потерять время, он приказал применить способ, который использовал при переправе через Волгу. Что это был за способ? Огромная конница, сметая и травя всё на своём пути, сгрудилась у берега полноводной реки, отрезавшей их от русских княжеств. Лошади могли переплыть сами, деревянные арбы не утонут. Что делать с людьми в тяжелых доспехах? Уроженцы степей и гор мало смыслили в большой воде? Сразу камнем пойдут ко дну. Не вода, а разверзнутый зев.

Моментально находивший выход, казалось, из безвыходного положения, он огляделся. По берегам реки росли плотные заросли камыша и рогозы, тянулось густой тугайный лес. Дал команду рубить. Аккуратно собрать. Заставил подрезать хвосты и гривы лошадям. Всё срубленное уложить двойным плотным настом и прошить крепкой волосяной веревкой. Получился своего рода длинный и прочный плот. Край спустили в реку, и несколько десятков джигитов, держась за гривы сильных коней, мелькая головами в пучине, потянули его на противоположный берег. Таким образом, через водную преграду удалось переправиться целому войску. Впоследствии выражение русских князей, застигнутых врасплох: «Эти степняки, ну, сущие чертяки!..» — стало притчей во языцех...

Войско, оказавшееся посредством плотов-настилов на другом берегу Жёлтой реки, было готово к активным действиям. Началось кровопролитное сражение. Китайская армия, не владевшая столь искусно конем и оружием на скаку, дрогнула. Подобно многочисленной отаре овец, спасающейся от стаи волков, она спасалась бегством. Двум городам, стоящим на пути наступающих, был учинён настоящий Судный день. Главой города Чжунду он посадил джалаирского тигра Мукилая. Город-крепость Ляоян перешёл в распоряжение легендарного нояна Жебе. Воевода Субетай двинулся дальше покорять земли на Востоке, вплоть до Корейского полуострова.

В азарте победоносных баталий, сам ненароком получил ранение. Копьём задело мягкую голень. Не придав значения. Под волчьеголовым развевающимся стягом, под праздничные звуки карная повернул домой...

Плывёт ли это золотая лодка, борясь с быстрым течением? И без весел. На одном конце её сидит дочь сановника с Сахарного озера. На другом — его неизбывная печаль, русская краса Ольга... Две дивные девы ведут меж собой потаенную беседу, неуловимо улыбаются. Посередине же сидит он! Как успел окаяться в лодке? Куда его переправляют? Стойте! Хочу сойти!.. Золотая лодка, не внимая желанию Великого кагана, уходила всё дальше, гонимая течением.

Пробудиться бы мне...

* * *

Где же тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Я, Потрясатель Вселенной, хотел воздвигнуть на земле единое государство. Сколько сил поисчерпал на этом пути. Сколько жертв претерпел. Почитал священные писания. Не творил вреда человеку ради веры его. Не рубил склонённую голову. Не разрушал его города. Пусть пасет скот, выращивает сады, ловит зверье, думал я. Повернется ли у кого язык уличить меня в беспричинной жестокости? Может стать, я посеял среди вас семена благодравия?

Не тёмные силы восторжествуют над миром, а благородный разум.

Восток — Книга мудрости. Проникнитесь ею. Не затем ли оградил от огня книги Отрара, оставив в назидание потомкам? Не равняйтесь на Запад. Он источает гибельный смрад. Нет прока от наук и механиков, если нет единства духа! Потому и пали...

Потомки мои, доколе гарцевать вам верхом на коне, прикрываясь моим приснопамятным именем?

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут очертя голову в тысячу краин света...

В былые времена река Онон, бушуя волной, обгладывала берега. Кричали чайки, вырывая друг у друга из клюва рыбу. Цапли, вытягивая длинную шею, выуживали лягушек из водорослей. Ребятня штанами и исподним бельём выуживала мальков вдоль берега. Какая трава была! Кувыркаешься по ней или ходишь — чисто лебяжий пух!..

И когда он успел покинуть белую юрту? Сам по себе стоит на крутом яре. Наверное, заскучал по реке. Разве дальние пути-дороги позволяли ему повернуть назад голову? Беспокойное море жизни, поверху взволнованное, понизу бездонное, разве хотело отпустить из своих теснин? Привольно текущим годам отдал молодость. Сейчас, развевая на ветру медно-рыжую бороду, попал сюда. Должно быть, признала? Я всё тот же Темучин, ловивший мальков с берега. Называли сыном багатура Есукея. Он вскричал во весь голос. Неужели мир оглох? Или с губ его не срываются звуки? Почему ничего не шелхнётся? Лишь волны подбивали друг друга.

Что-то виднеется на том берегу? Кто-то во всём белом? Машет рукой. То ли к себе зовёт? Так это же мать его! Откуда она появилась? Пожелтели уж, поди, беспотаннные кости? Неужто воскресла? Как сказал вещей Будда, между этим и тем миром всего лишь шаг. Действительно. Матушка, излучая ласку, словно хочет сказать ему: «Сын мой, не забывай Небесного Тэнгри...» Да, возможно ли это? Вся его жизнь прошла под покровительством верховного владыки. Бросал в ледяную воду, проверяя на выдержку. Бросал в огонь, проверяя на крепость. Гнул — не согнулся, ломал — не сломался. Одним взором решал судьбы мира, одним взглядом казнил и миловал. Он подался вперед: «Я сейчас доберусь до вас через реку». И слышит «Не спешите, сынок. Заверши сначала дела», что ли?

Заверши сначала дела!..

Взобраться бы на гребень горы и, грея спину под солнцем, узреть, умудрённым опытом, все четыре стороны света. Пробежаться бы мыслью по древу, бросив на чашу весов милость прожитых лет и надежды дней предстоящих. О, и как прежде сыграть бы в альчики, поставив на кон, ни много ни мало, судьбу земного жития!

Династии своего первенца Джучи он определил в наследство Алтай, широкие степи Сары-Арки и всего Дешт-и-кипчакского улуса, раздробленные, подобно коровьим почкам, русские княжества в придачу с Европой.

Хан Чагатай получил в свою империю народы Туркестана и Афганистана, страны Индостана, Пакистана, Персии и Кавказских хребтов.

Укетай стал единоправным властителем земель Восточно-Тюркского каганата, вбивавшего в себя территории Монголии, Джунгарии, Восточного Туркестана и Сибири.

Младший сын Толе стал правителем Китайской империи Цзинь, а также ханств найманов и тангутов.

Не обделены были также именитые его воеводиныяны Субетай и Джебе. С завоеванных стран и земель им полагались первые поборы.

Наведаться к разнородцам на Японских островах, прогуляться на крепко подкованных конях до льдов Северного океана, неспешно обозреть величавое кочевье Тихого — было делом недалекого будущего. Быть может, его жизнь не длиннее рукоятки нагайки. Тем не менее не рукоятка подгоняет под ним вороного. Сама толстая нагайка, плетенная из многих ремненных тесёмок. Так не оставил ли он после себя наводящую страх нагайку? Не свистит ли она ныне у изголовья народов, точно ветряная мельница? Надобно ли тогда кручиниться? Шагну-ка в реку!..

Проклятые видения сводят с ума. Опять противоборство? Оба тумена Джебе и Субетая приткнулись в горах Кавказа. Преклонили армян и тюрок. Подойдя к границе с Грузией, встретили отчаянное сопротивление. Упёрлись лоб в лоб на реке Терек. Грузинам подошли на помощь воинственные аланы и черкесы, подоспели лезгины. Придвинулись и многочисленные соседние кипчаки. Противостояние приняло ожесточённый характер. Горцы, родившиеся и выросшие в горах, зная каждый камень, не дают ступить шагу. Что делать? Гонца, загнавшего быстрых коней, он снарядил обратно, дав ему нужный совет. Результат не заставил ждать. Получив от его воевод щедрые подношения и подарки, кипчаки, снявшись в одну ночь, покинули майдан. Отступили к кочевьям на Волге. В скором времени горцы были разбиты. Позднее, неожиданно напав, починили и кипчаков. Винить им, кроме себя, некого. Иной раз простодушные, ровно дети. Иной же раз трудно превзойти их в кознях и лукавстве. Мастера перелицевывать белую шкуру на цветную. Непостоянство нрава сыграло и с ними злую шутку.

Вот оно, простодушие и вероломство, как если бы внутренняя и внешняя сторона одной ладони.

Правда ли, что его зять Тучагар напал на богатый персидский город? Истребляет, говорят, мастеровых и умельцев? О, злодей! Забыл, видать, ярлык Великого кагана? Кто осмелится нарушить его? Кто подвигнется на неслыханную дерзость? Ежели не брать в расчёт болванов от младших жён, то четверо его сыновей, рожденные старшей, внимают каждому сказанному им слову. Когда впервые, удостоенный духом предков, он возглавил войско, то потребовал, каким бы городом или страной они ни завладели, не трогать представителей различных искусств и ремесёл: философов и поэтов, летописцев и зодчих, ученых и оружейных мастеров. Напротив покровительствуйте и всячески их оберегайте. Они — рабы благонравия и Божьего призвания. Вместе с тем паршивую душу того, кто отступится от ярлыка, сам отошлю в преисподнюю. Ым-да... Травлю устроил!

Две вины уже не спасут. Персия целиком приняла его подданство. Народ в трудах праведных платит исправно дань. Не поднимает, сподобившись иным, то и дело смуту, не разжигает междоусобную рознь. Избивать мирных заново — преступление. За ним кроется толстокожее властолюбие и безмерная алчность. Что до покушения на людей искусств? Искусство умельцев — светлый луч, уходящий в завтрашний день. Погасить его не под силу не только какому-то зарвавшемуся зятю, а даже мне — Великому кагану. Поделом, гоните с воем и отрубите голову. Проживёт дочь и без мужа. Без разницы, поздно иль рано оборвётся бесталанная жизнь? Туда и дорога. Царство небесное, сам напросился. Не умеющий твёрдо держать меч, сам и порежется.

Отец Есукей-багатур подковывал коня перед набегом. Маленький Темучин удивленно смотрел на изогнутую железную пластину. Что же тогда молвил отец, увидев в глазах его любопытство. «Сынок, подковы нужны, чтобы предохранять копыта. Не дают скользить по камням и по гладкому льду. Запомни, подковы твёрдо удерживают копыта. Копыта держат ноги, ноги — коня, конь — седло, а седло удерживает хозяина, сидящего на нём. Видишь, какая большая польза от маленькой подковы. А дальше, кумекай сам. Тигр детёнышам мясо не разжевывает. Будет разжевывать — не вырастут крепкими зубами». Краткой, но поучительной морали отца он придерживался всегда. И довёл до уразумения nasledников.

Ужели матушка ещё стоит на том берегу? Бурные воды Она пропустят ли конного всадника? Где та золотая лодка? Подайте! Опустите брюхом на воду. Поплыву-ка к матушке, рассекая наискось волны. К утробе моей бесценной. Много лет назад мать спрятала его перед рассветом от набега тангутов, закрыв чапаном. Скрываясь в густых зарослях, они едва выжили. Оставшись рано вдовой, старалась не выказывать своей слабости. Не желая кому-то быть

обузой, не заглядывалась на чужих мужчин. Не подпускала близко и сорвавшихся с привязи пройдох...

Он сказал же: лодка, причём здесь золотой саркофаг? Где это видано, чтобы громадный сундук плыл по воде? Зачем его выставили наружу из горной теснины? Куда подевалась его неусыпная стража? Или мудрец Коко-Цос раскрыл всему люду его последнюю тайну? Уберите с дороги! С глаз долой!

Да, когда напали тангуты... Хоронились в густых зарослях. Посередине на опушке раскинулся величавый тополь. Один-одинёшенек. Тянет к небу руки-ветви, горделив. Заметив, что сын с интересом смотрит на дерево, мать рассказала ему сказку. Говорила тихо, почти шепотом. Которая-то была сказка-то? Вот не приходит на ум. Вся его жизнь превратилась, очевидно, в необычную сказку. Всего-то и не упомнишь.

Э, о тополе-исполине! На одной горе рос такой же величавый и гордый тополь, рассказывала мать. Рос сам по себе. На ветки его с гомоном и граем садились разные птицы. Вили гнезда, выхаживали птенцов. Тень от дерева была настолько большой, что в ней могло разместиться целое племя. Днём останавливались путники на отдых, некоторые оставались с ночевой. С каждой людской благодарностью ветви дерева поднимались всё выше и выше. Далеко разрослись и разбежались под землей его корни. И от этих корней, разбежавшихся по склонам и оврагам, поросла целая чащоба побегов и отпрысков. Однажды поднялась на земле кромешная буря. Следом примчался крутящийся смерч и яростно обрушился на тополь. Разбросал ветви, разметал листья. Покорись и склони перед нами голову, завывала завистливая буря. Слушай, что тебе говорят! Распугай птиц. Не подпускай прохожих. Иначе выворочу из земли и погублю, грозит разъяренный смерч.

Но величавый и гордый тополь не склонил головы. Не то чтобы не склонил, а и не стал смотреть в их сторону. Ну, а как повели себя, скажешь, выросшие на его корнях отпрыски и побеги? Переполошившись от страха, они просто пали ниц перед разбушевавшейся бурей и злым смерчем. Игнулись, и стелились, как по команде. Таким образом и спаслись. Ну, а тополь? Так и не склонив своей величавой и гордой головы, пал героем. Не мог унизиться перед врагом. А пошедшие от него побеги и отпрыски... Сгрудившись в кучу над изголовьем, стали хлестать его, приговаривая. О, дурак, стелился бы и кланялся, как мы, не распластался бы во весь рост. Пеняй-де, сам на себя.

Матушка... Куда же она пропала, сидевшая подле, нашептывая сказку? Величавый тополь, отпрыски... Буря со смерчем... Так это вовсе не сказка! На дне сознания вновь всколыхнулись сонмы видений. Грудь словно опалило горячими углями. К горлу подкатил и застрял ком. Его била крупная дрожь.

Чем это омыло его лицо? Очевидно, треклятый ком в горле распустился слезной ересью? Какая блажь! Плачет ли всемогущий каган, преклонивший к ногам половину Вселенной? Поди, разверзлась

пропасть души. Мочи нет сладить. Жжёт огнем лицо. Ко рту подступает прогорклый привкус. Какая горечь! Пожалуй, и уши заливает?! Теперь на его царственном лице, испещренном игрою морщин, наверное, застынут белые размывы соли. Неужели гаснет и солнечный луч? Чтобы ему не сиять, раскидывая вокруг золотой, ласковый свет? Откройте мне путь! Расступитесь по обе стороны! Не уйду ли я навсегда?..

* * *

Где он — тюркский баян? Еще многое надо успеть. Назиданий осталось немало. Как ни стремись, ни конца им ни края.

Вот когда я покину..

Не кладите в мой склеп ни золота, ни серебра, не нужно алмазов и самоцветов. Саркофага одного довольно. Эти призрачные ценности будут ли также блистать и греть его нутро в извечном том мраке?

Оно и без того в поднебесном мире далеко прогремит моя слава. Народ сочинит легенды. Кто-то будет гордиться. Кто-то скажет — злодей-кровопивец. Равно дух мой не станет тому кручиниться. Аз есмь — одинокий всадник Вечного Синего Неба!

И могилу мою не ищите. Не дано вам её найти. Ну, коли найдете, то пробьёт и ваш час. Солнце взойдёт не там. Луна не сдвинется с места. Горы вздыбятся, океаны выплеснут из берегов... Не зывайте к тленному, жёлтым мощам величайшего Бога войны! И без того на земле немало пролито крови. Посему и погрузил глубоко в тартары...

* * *

Куда же пропали кони-тарпаны, разметавшие хвосты и гривы? Почему ползут на него из тысяч окраин бесчётные тысячи муравьиного народца? Подите прочь! Прочь от меня!

Дайте мне добраться до матушки на тот берег Онон-реки. Притомилась, меня дожидаясь. Поднесите золотой саркофаг. Поставьте пред очи мои! — хотел сказать он. Но — тщетно. Сонмы видений, озарённые закатным светом сознания, гасли и гасли, одни за другими...

— Погасла ярчайшая звезда. Скрылась от нас навеки, — молвил сидевший, точно живой Будда, мудрейший Коко-Цос, не отрывая глаз от неба.

— Какой удел нам уготован, о Великий каган? Ты был олицетворением добродетели. Горе-то какое неизбывное! На кого опустевших сирот оставил?..

— Чингисхан, рожденный с пригоршней крови, отошёл в мир иной! Радость-то какая несусветная! — будоражила весть уголки земли, куда могли донести её копыта неумолимых коней.

И кому только верить?!

* * *

Опустился полог ночи. Опечалит ли оно кого?..